

О том о сём*

I

Как уже не раз упоминали исследователи русского синтаксиса, В. И. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» предварил статью о предлоге *о* примечанием: «Значенье этого предлога весьма разнообразно и напрасно стеснено и ограничено нынешним веком» [Даль II: 564]. В следующем столетии его функции сузились еще более. Так, из конструкций предлога *о* с предложным, иначе – местным падежом (далее *о + L*) в активном употреблении удерживаются почти исключительно такие, которые выражают отношение к объекту речевого либо иного сообщения, а также мыслей, внимания и т.п.

Наряду с этим, однако, конструкции *о + L* с описанным значением в русском языке особенно нынешней эпохи рубежа XX–XXI вв., в первую очередь в разговорном стиле, безудержно рвутся наружу из узких для них рамок сочетаемости с семантически строго заданными глаголами говорения, мыслительной деятельности и т.д. и соответствующими (необязательно отглагольными) именами. Все чаще эти конструкции выступают там, где подобное значение присутствует у распространяемого глагола либо имени лишь своего рода фоном. В результате управление *о + L* генерализуется для лексем, которые по нормам литературного языка имеют другую предметную валентность или вообще ее лишены.

Как подспудная тенденция такая экспансия конструкций *о + L* присуща русскому узусу давно: ее уже десятилетия тому назад наблюдали и безуспешно осуждали ревнители речевой культуры советской поры. Обширный материал середины XX в. приведен в статье В. П. Григорьева [Григорьев 1961: 5–7]. Апеллируя к пуристическим выступлениям на эту тему языковедов еще 1930-х гг., автор работы заявляет: «Конечно, за последние 20–30 лет неизмеримо выросла общая культура советских людей, намного улучшилась практика редактирования газет и журналов, выше стал уровень публичных выступлений. И все же массовые ошибки в построении конструкций с предлогом *о* постоянно обращают на себя внимание». Примеры, взятые из устной речи, докладов, писем и газет, В. П. Григорьев группирует в соответствии с характером главного компонента сочетания, дифференцируя конструкции а) с глаголами: *указать, показывать, доказывать, отметить, останавливаться / остановиться, повторить, прибавить, выступить, обсуждать, продумать, признавать, требовать, возмущаться, извиняться, опасаться, бояться о чем* (ср. случаи из области «*lapsus linguae*» *В заключении указано как о недостатке большой вес конструкций..., Все мы очень много ругали о том, что аппарат работает плохо, Он сам об этом, не стесняясь, рекламирует*); б) с фразеологическими глагольно-именными единицами: *выразить согласие, проявить бдительность, принимать меры о чем* (ср. *Вот, имейте в виду об этом...*) и, наконец, в) с существительными: *обсуждения, сомнения, воззрения, показатели, принцип, проблема о чем* (ср. также *Нужен массовый сувенир о Большой Москве*). «Хотя тенденции аналогического распространения и расширения таких конструкций остаются весьма ощутимыми, – допускает В. П. Григорьев, – все же высокая степень нормализованности литературного языка в советском обществе позволяет высказать предположение, что нормой они не станут», но лишь если «каждое неоправданное

* В основе статьи лежит наблюдение, высказанное С. С. Скорвидом в 1999 г. в докладе «Новые явления в чешском языке с учетом их русских соответствий» [Скорвид 1999: 35]. Конкретный же замысел данного исследования, посвященного анализу в русско-чешском сопоставительном аспекте двух сходных новаций в области синтаксиса падежей, возник в 2005 г. при обсуждении темы в ходе спецкурса «Разговорный чешский синтаксис», который читал С. С. Скорвид и, среди прочих, слушал Д. К. Поляков, чьи собственные изыскания позволили значительно расширить литературу вопроса и ощутимо увеличили равноценно обоими авторами осмысляемый материал.

отступление от существующих (в том числе синтаксических) норм литературного языка будет встречать последовательный отпор».

Глубже толкование и намного мягче оценка этого явления авторами исследования «Русский язык и советское общество» 1968 г.: «...при наличии синонимических вариантов словосочетаний (извиняться, обвинять, упрекать в чем // за что; сомневаться в чем // о чем; указать на что // о чем и т.п.) вторые варианты встречаются преимущественно в разговорной речи, и объясняется это тяготением ее к обобщенным и семантически оправданным связям, а не к индивидуальным, лексически обусловленным» [РЯиСО III: 249].

Распространение конструкций **о + L** на текущем этапе получило освещение в ряде новейших работ – в частности [Гловинская 2000: 252–262], [Брызгунова 2003: 191–192]. М. Я. Гловинская, отчасти противореча создателям предыдущего комплексного труда о развитии русского языка, усматривает в расширении анализируемых конструкций один из примеров «семантически опустошенного употребления предлога как бы в качестве случайной, семантически не мотивированной прокладки между словами», поскольку считает, что они используются «вместо родительного падежа при существительных (*программа о закрытии*) и винительного (изредка дательного) ... при глаголах (*подчеркивает о необходимости*)», а конструкции с местоимением **о том** + союз служат «для ненормативного ввода придаточных предложений при “ленивой” стратегии говорящего». Применительно к последним с представленным объяснением можно в целом согласиться: обычно именно «прокладкой» выглядит предложное сочетание **о том** в извлечениях М. Я. Гловинской, взятых из вполне публичных, звучавших на телевидении и радио устных высказываний, типа *подчеркнуть о том, что...*, *я добиваюсь о том, чтобы...*, *не рекламируют о том, как...* (аналогично с глаголами *показать / показывать, определить, разъяснить, объяснить, познакомить, проверить, продумать, понимать, видеть, переживать, бояться*, а также с глагольно-именным сочетанием *упустить из вида*) либо *есть масса примеров о том, что...* (из [Лаптева 1990: 238], аналогично с лексемами *факт, подтверждение, уверенность*). «Словосочетание **о том** + союз, – заключает М. Я. Гловинская, – становится универсальным способом введения придаточного предложения – при любом слове независимо от его реального управления, с любым союзом, независимо от того, допускается нормой присутствие... местоимения *то* или нет». Об этом же, хотя и в иных терминах, говорит Е. А. Брызгунова, изучая случаи «ненормативного употребления предложно-местоименных сочетаний *о том, что*» в языке СМИ – такие, как *факты показывают о том, что реформы буксуют; я сомневаюсь о том, что все кончится благополучно; она сообразила о том, что надо сделать; все понимали о том, что второй такой случай не представится; он не мог поверить о том, что на реке такой тонкий лед*. Все эти отступления от нормы письменной устной речи Е. А. Брызгунова связывает «с семантическим укрупнением союзных средств», когда вследствие далеко идущей аналогии (*факты показывают, т.е. свидетельствуют...*) «устраняется избыточность форм союзных связей в изъяснительных предложениях» (*сомневаюсь в том, что; не мог поверить тому // в то, что* и т.д.) и «усиливается роль контекста, конкретизирующего значение глаголов».

В материале М. Я. Гловинской, однако, присутствуют также примеры, в которых предлог **о** в сочетании с местоимением **то** перед союзом или тем более с именем в позиции объекта совершенно не производит впечатления «прокладки» – семантически пустой замены нужной по литературным меркам конструкции. Там, где компонент **о + L** предшествует главному глаголу, в особенности значительно удаленному, он, напротив, с самого начала задает в высказывании валентность темы, а не содержания или объекта, как это дифференцирует автор работы, и лишь затем ненормативно, «вместо» адекватного задаче, выбирается глагол. Ввиду этого безукоризненную бюрократическую фразу **О том, как пойдет обсуждение доклада Президента о положении в стране и дальнейшая работа сессии, депутаты решили определиться** после перерыва (Известия 16.11.1990) не стоит вслед за М. Я. Гловинской стараться исправить на *В вопросе о том, как...*, поскольку и управление самого глагола *определимся* недостаточно «определилось». Ср. аналогично:

А о том, что пора подавать в отставку, ему даже в голову не приходит (Известия 01.06.1992, из письма читателя); *Кто стрелял, об этом еще следствию предстоит выяснить* (Радио России 1991). Исследовательница и сама дает пример..., *о котором нельзя, впрочем, с уверенностью утверждать, что он принадлежит носителю литературного языка* [Гловинская 2000: 255] – при этом критикуя сочетания *он утверждает о том, что...* (Радио Свобода 1995) и материалы, целенаправленно *утверждавшие о “провале” миссии в Багдаде* (Известия 05.03.1991)!

В случае контактной постпозиции компонента *о + L*, естественно, ненормативность последнего воспринимается отчетливее. Ср. еще некоторые бесспорные примеры, цитируемые М. Я. Гловинской: *Предстоит ли советской стороне доказывать о незаконном происхождении швейцарских капиталов?* (Радио России 1991); *Президент предсказал об отмене политической борьбы* (ТВ 1996); *Ахматова показывает об этом сходстве...* (из выступления на конференции, 1995); *Владимир Соловьев осмысляет об исторических судьбах христианства и иудаизма* (Радио Свобода 1993); *Затем стали подозревать о серьезном заболевании* (Радио России 1996); *Я имел в виду об их политической судьбе* (ТВ 1992); *Не удалось добиться гарантий о прекращении* (ТВ 1992); *И главное – упорное отстаивание стратегии об уничтожении террористов любой ценой* (С. Ковалев, АиФ 1996, № 4); *Разработана программа о полном закрытии бассейна...* (ТВ 1996). Конструкция *о + L* выступает здесь действительно вместо винительного падежа при глаголе или связанном глагольно-именном сочетании и родительного падежа при имени существительном. Нередко, однако, обратная замена ее «правильным» падежом предстает нежелательной, а то и невозможной. Так, во фразе *Лучше сначала сказать, кто составитель этой книги, а потом развернуть о содержании* (Радио Юность 1991), вопреки М. Я. Гловинской, нельзя подставить винительный падеж, так как говорящий, употребив глагол *развернуть*, не побуждал собеседника раскрыть содержание книги, но имел в виду тему последующего развернутого сообщения о ней, что и отобразила конструкция *о + L*. По различным причинам нельзя также считать приемлемым родительный падеж на месте конструкции *о + L* в контекстах: *У нас ... немало фактов об утратах в храмах церковных произведений* (НГ 18.04.1992) – вариант М. Я. Гловинской *факты утраты* меняет сам смысл фразы, где *факты* означают не ‘данность’, а ‘данные’; *... сопровождается угрозами о массовом насилии и гражданской войне* (ТВ 1994) – вариант *угрозы насилия и войны* подразумевал бы опасность, а не запугивание ею; *Мои ожидания о теплом приеме с треском провалились* (ТВ 1996, перевод сериала «Доктор Куин...») – вариант *ожидания теплого приема* не вписывается во фразу (лучше звучал бы перевод *мои надежды на теплый прием потерпели крах*); аналогично *оценка педиатров-врачей о состоянии* здоровья населения загрязненных районов [Лаптева 1990: 237] – вариант с растягиванием цепочки родительных падежей до пяти-шести подряд недопустим, а альтернативой этому может стать разве только замена посессивных отношений агентивными (*оценка педиатров* → *педиатрами*).

Прямолинейной кажется также попытка представления конструкции *о + L* заменой других падежей без предлога и с предлогом в контекстах: *Удивляется о двух возвращенных ей посылках* (НГ 05.09.1991), где чувство субъекта, собственно, вызвали не посылки, но их возвращение (очевидно, уместнее бы было не *удивляется посылкам*, а *удивляется по поводу...*); *О чем исповедуются люди* (Известия 02.03.1994), где *в чем исповедуются...* подразумевало бы не содержание доверительной беседы, а признание в грехах; *На чем же основаны спекуляции о том, что демократы против единой армии?* (Радио России 1991), где вариант *на том, что...* значил бы, что демократы действительно против армии! В ряде случаев речь явно идет о контаминированной конструкции, в строение которой компонент *о + L* вносит вполне определенный семантически оправданный вклад, ср. *Это, пожалуй, все, что касается о книге* (из выступления на заседании, контаминация *что касается книги* ↔ *это все о книге*); *Судьба-то решалась не просто о вишневом саде, судьба-то*

решалась о Ясной Поляне (Радио России 1992, контаминация *решать вопрос о чем ↔ решать судьбу чего*).

Среди причин возрастания активности запрещенных литературной нормой конструкций *о + L* М. Я. Гловинская особенно выделяет компрессию текста. Во многих случаях такого их употребления исследовательница небезосновательно усматривает эллипсис: пропуск при глаголе именной связки *вопрос / в вопросе / по вопросу о...* (можно добавить также *на тему о...*) либо иной, например *факты о...* с укоренившимся «ненадлежащим» управлением; ср. *изложил о недопустимом поведении...* (Столица 1991, № 18); *более подробно о деле Руцкого «Известия» представляют в ближайших номерах* (Известия 07.12.1993). Нелишне заметить, однако, что, во-первых, и у имен типа *факты о...* секундарное управление является результатом компрессии (← *свидетельствующие о...*), а во-вторых, в конструкциях обоих видов, глагольных и неглагольных, естественнее подозревать пропуск не эксплицированного, хотя бы даже мысленно, элемента, а только логической связки. Ведь едва ли можно на самом деле *разглядеть попытку определенных людей развязать кампанию о моих претензиях на пост президента* (А. Собчак, АиФ 1996, № 4) предлагать заменить «правильным текстом» *кампания дезинформации, имевшая целью создать впечатление, что у меня имеются претензии!*

Специфичны конструкции с компонентом *о + L*, в которых он, по выражению М. Я. Гловинской, «вторгается на территорию именительного падежа»: вполне парадигматичные страдательные *было подчеркнуто о необходимости...* (ТВ 1991), *подчеркивалось настоятельно о том, что...* (из выступления на конференции, 1995) – те же, что и для активных глаголов *подчеркнуть / подчеркивать о...*, ср. нормативную сочетаемость *было сообщено / сообщалось о...*; «медиапассивная» *совершенно очевидным становится о том, что...* (ТВ 1992), где субъектную позицию занимает элемент, который обозначает предмет восприятия (можно восстановить недостающее звено *факт о...*). Особый случай представляет собой предложение *Одна из задач... – это о том, чтобы была техника для обработки земли* (из выступления на собрании), которое, впрочем, можно счесть также свернутым во избежание тавтологии (← *Одна из задач – это задача о том...*). К конструкциям подобного строения мы вернемся в иной связи в последующем изложении.

Приведем теперь, с учетом данных и оценок ученых, представленных в перечисленных более ранних работах, новый живой материал, который мы черпали в течение 2005–2006 гг. главным образом из передач радио «Эхо Москвы» и телевидения, а также из печати. Вслед за В. П. Григорьевым и М. Я. Гловинской мы разбиваем примеры реализации конструкций *о + L* «против правил» на группы в соответствии с характером поясняемого компонента, отдельно же выносим конструкции с предложно-местоименной «прокладкой» *о том* перед придаточным предложением (с союзом или также без союза). При примерах из программ «Эха Москвы» и телевидения даются пометы соответственно ЭМ и ТВ, а при цитатах из газетных и журнальных публикаций указаны номер, дата и страница издания.

1) Конструкции *о том + придаточное предложение*.

Этот тип конструкций образуют большей частью глаголы, в первую очередь со значением а) речи, реже также иначе передаваемого или принимаемого сообщения, и б) мыслительной деятельности и эмоций. Например:

а) *Нам сегодня в телефонном режиме подтвердили о том, что...* (ЭМ); *комментируют о том, что это вполне нормальная фиксация прибыли* (ЭМ); *Мария уже всем объяснила о том, что главное в этой дистанции* (ТВ); *По первому вопросу присяжные заседатели пояснили о том, что да, действительно имело место убийство* (ТВ); *здесь нужно пояснить о том, каким образом производятся проверки* (ЭМ); *выяснить о том, что надо было сделать, чтобы получить пропуска* (ЭМ); *Три человека гарантируют, своими погонами, о том, что...* (ЭМ); *Посмотрите на карту: на ней показано о том, где находится Рим* (учительница в школе); [рекламные ролики] *показывают о том, как опасен алкоголь* (ТВ); *Сегодня лидеры партий не скрывают о том, что они продают места*

в списке (ТВ); *Никто не будет отрицать о том, что это действительно происходило* (ТВ); *Только что ему открыто признались о том, что у него есть соперник* (ТВ); *Я хочу ответить Оксане о том, что у меня давно нет отношений с молодыми людьми и меня тоже не так просто завоевать* (ТВ); *В этой беседе я извинилась перед Марией о том, что я оскорбляла ее матом* (ТВ); *А теперь он уговаривает бабу Любу о том, что видите, какие это подонки!* (ТВ);

б) *Вы, я думаю, поняли о том, что нужно окончить по меньшей мере девять классов (учительница в школе); Они же не понимают о том, что они сгинут в небытие* (ТВ); *Можно подозревать о том, что...* (ЭМ); *Теоретически нельзя исключить о том, что если бы в первые часы после покушения было организовано прочесывание, то...* (ТВ); *представляешь себе о том, что...* (ЭМ); *прохлопал о том, что у него в стране не все в порядке* (ЭМ); *Ты считаешь о том, что да, ты готов с ним быть* (ТВ); *Ты боишься о том, что твое мнение о себе не совпадет с настоящим?* (ТВ).

Спорадически встречаются также конструкции с глаголами восприятия, например: *Если Алена сейчас увидит о том, что у тебя действительно серьезные отношения...* (ТВ); *Просто так смотрятся по телевизору о том, что спортсменки рядом где-то...* (ТВ); *Мы любим глядеть на Запад о том, как они там правильно живут* (ТВ, Н. Бурляев); *Мне нужно послушать вас о том, как вы представляете себе идеального учителя (учительница в школе).*

Конструкции того же типа при других глаголах могут быть эллиптическими; ср. пропуск компонента со значением сообщения в примере *У нас присылают наши слушатели о том, что...* (ЭМ).

Помимо глагола, главным членом конструкции с подобным составом способно служить предикативное отглагольное прилагательное / причастие либо наречие, ср. *Вы были уверены на процентов восемьдесят-девяносто о том, что ему дадут иммунитет* (ТВ) и, с обратным порядком компонентов, *О том, что невиновного сделают виноватым, стало понятно давно* (ЭМ).

Высокопродуктивным типом являются также конструкции с компонентом *о том* + *придаточное предложение*, отнесенным к отглагольному или неотглагольному существительному со значением процесса вербальной, ментальной, психической деятельности, ее предметного проявления либо результата; например:

прозрачные намеки о том, кто... (ЭМ); *никаких твердых улик о том, что...* (ЭМ); *оценки о том, как... в какой степени... будет сокращаться российское население (ЭМ); давления... прямого... о том, чтобы изменить решение, не будет* (ЭМ); *Я вот сейчас смотрел какие-то ремарки лидеров политических партий о том, были или нет ими какие-то нарушения замечены* (ТВ); *У меня возникает подозрение о том, что...* (ТВ); *Отчасти это, конечно, можно принять в оправдание о том, что надо было переждать* (ТВ); *Я подвел такую закономерность некую о том, что кто хорошо играет ... то хорошо борется* (ТВ); *Вы неоднократно озвучивали позицию Кремля о том, что Россия должна быть младшим партнером США* (ТВ); *Сегодня я вам покажу небольшой мастер-класс о том, как сделать из одной картинки другую, более интересную* (ТВ); *Сначала – эйфория о том, что они встретились, а дальше все сходит на нет* (ТВ, новости); *Эйфория о том, что мы смогли это сделать, должна смениться рутинной работой* (ТВ, Н. Михалков на закрытии Олимпийских игр 27.02.2006).

Специфическая субстантивная конструкция обусловлена транспозицией предикативного наречия: *Нет ясности о том, почему произошли первые два взрыва...* (ЭМ) – хотя опорное наречие *неясно* с пояснением *о том* + *придаточное предложение* возможно разве только в позиции ремы.

Конструкции с рематическим расположением (дистантной постпозицией) главного слова вообще стоит выделить среди всех прочих, так как ошибка здесь кроется в выборе не средства выражения темы, а последующего глагола, его наречного деривата либо даже связанного глагольно-именного сочетания – в силу «изменения речевой стратегии гово-

рящего в процессе построения высказывания» [Гловинская 2000: 260]. Вопреки мнению М. Я. Гловинской, примеры таких конструкций довольно частотны: **О том, каков срок заключения...**, в документе Интерпола **не указано** (ЭМ); **О том, что возрастет качество медицинского обслуживания, считает** только пять процентов (ЭМ); **О том, что...** можно потребовать выкуп, он **решил**, увидев у мальчика дорогой мобильный телефон (ТВ); **О том, в какой стране он живет, Геннадий Хазанов начал понимать** довольно рано (ТВ); **О том, что газ недополучают в Европе, стало понятно** еще накануне (ТВ); **О том, что у нас призеры тезки, мы уже ваше внимание заостряли** (ТВ).

2) Глагольные конструкции **о + L** с именами и местоимениями **это, что**.

Эти конструкции выступают при переходных и непереходных, а иногда и при не-объектных глаголах со значением а) говорения или, шире, сообщения и б) мыслительной деятельности. Примеры:

а) **О таком варианте** развития событий мы **предсказывали** еще в августе (ЭМ); Я бы вначале хотела коротко **отметить об одной важной вещи** (ЭМ); **Прежде чем учить о жизни, надо...** (ЭМ); Журнал должен **указывать о прохождении или несоответствии** оборудования («План Качества» ЗАО НГКС); В примечании... **указывалось о прекращении** уголовного преследования (НоГ № 81, 31.10–02.11.2005: 12); Если бы вас... подключили к разработке национальных проектов, **о чем ратовали бы?** (ОК № 32, 7–13.08.2006: 14); **Всех об этом призываю!** (реклама на ТВ); **О сроках** действия акции **уточняйте** у оператора (рекламная листовка); **О пожаре звоните 01** (объявление);

б) **Понимаешь об этом?** (из речи); **...не понимая о последствиях** (ЭМ); В зависимости от ответа **будут решать о дальнейших действиях** (ЭМ); Лично для меня одно из опасений посетить Россию заключается в том, что я буду **рисковать столкнуться с сотнями кг металла... полагая о приоритете пешехода** (форум ЭМ, письмо из Канады); **Сегодня произошло то, о чем я и представить не могла** (ТВ, перевод с английского); **Это так, потому что это так, и не о чем сомневаться** (ТВ, В. Познер).

Конструкции с постпозитивным главным словом-ремой появляются и здесь в связи с изменением «речевой стратегии говорящего в процессе построения высказывания», т.е. из-за некорректно подобранного наконец глагола (см. выше **О таком варианте... мы предсказывали... в.м. предупреждали**) либо даже глагольно-именного сочетания, ср. **Об этом мы обращали внимание с Татьяной Тарасовой** (ТВ); **Вот о чем я имею в виду** (ТВ). Нередко, впрочем, и синтаксически, и семантически неадекватным бывает глагол, выступающий перед компонентом **о + L**: **Выстрел пушки с Петропавловской крепости ознаменует о дне рождения Санкт-Петербурга** (ТВ), **Именно газ провозгласил о приходе цивилизации в самые дальние села** (ТВ) в.м. **возвестит** в первом и **возвестил** во втором случае; **Девушки заклинали в это утро о женихах** (ЭМ) в.м. **загадывали**. Сама же по себе конструкция **о + L** со значением темы сообщения или предмета мыслей предстает во всех этих случаях семантически обоснованной. Более того, с нерегулярной конструкцией **о + L** в пределах одного сочетания вполне совместимо прямое дополнение, несущее свой смысл; ср. контекст **родители, которые вроде бы понимают обо мне многое...** (НГ № 06, 30.01–01.02.2006: 25).

В ряде контекстов речь явно идет об эллипсисе – логическом пропуске слов типа **информация, сообщение, вопрос** и др. Механизм такого эллипсиса в действии можно показать на примере заголовка из интернет-новостей от 01.11.2006: **Минагрополитики опровергает о поставках в РФ зараженного мяса**. Тот, кто доберется по ссылкам до полного текста новости, прочтет в третьем (!) абзаце пространную фразу с искомой лексемой: **Ранее в российских СМИ появилась информация Северо-Западного регионального центра МЧС РФ, где сообщалось, что в Архангельской области РФ при исследовании проб мяса говядины, завезенного из Украины, была получена позитивная реакция на сибирскую язву**. Совершенно очевидно, однако, что при сжатии текста до краткого заголовка произошла не купюра этого слова, а именно элиминация логической связки. Ср. то же в других случаях: [летчик] **успел передать о неисправности двигателя...** (ЭМ); **обсуждается... об увели-**

чении команд премьер-лиги футбольной... (ЭМ); я открыто **обращался** к руководству страны и правосудию **о преступной деятельности**... (НоГ № 63, 29–31.08.2005: 12); В связи с участившимися случаями совершения квартирных краж... ОВД р-на Дорогомилово **обращается** к Вам **о бдительном отношении** к подобным фактам и **сообщать** в дежурную часть ОВД (объявление). Часты такие конструкции при глаголах со значением действий по созданию художественных произведений, например: Мы **об этом ставили** «Ромео и Джульетту» – **получилось о конфликте** традиций и жизни современной (НоГ № 80, 27–30.10.2005: 22); А потом он начал снимать «Бумер», и все вокруг загорелись: «Это же правда, **об этом** и нужно снимать!» (ОК № 9, 27.02–05.03.2006: 68). Ср. также традиционную формулировку начала выписки **СЛУШАЛИ: о командировании** в г. Прага (Чешская Республика) доцента С. С. Скорвида с 05 сентября по 15 сентября 2004 г.

3) Конструкции с компонентом **о + L** при предикативном страдательном причастии или наречии стоит выделить особо, хотя главный член первых по сути дела представляет глагол в страдательном залоге. Примеры:

Если власти действительно **обеспокоены об энергетической безопасности**... (ЭМ, А. Илларионов); Не могу **быть не взволнован о положении** современного военнослужащего... (ТВ, из вопросов президенту РФ); Сегодня господин Буш сказал: «Ребята! Не нашли мы химического оружия. Но то, что напали, правильно. Правильно – им **лучше об этом**». (ТВ, атаман И. Ченцов).

4) Субстантивно-субстантивные конструкции.

В конструкциях этой подгруппы компонент **о + L** относится к отглагольному или неотглагольному существительному, которое изредка обозначает собственно процессы вербальной, мыслительной либо иной деятельности, но чаще ее предметные проявления / результаты; например:

Наши с немцами провели масштабный **опрос населения о чиновниках** (ОК № 11, 13–19.03.2006: 20); У них [венгров] был **обман правительства о ситуации** в экономике («Акция» № 11, 30.10.2006: 2); Мы высказали свой **протест о недопустимости** использования здания под коммерческие нужды (ТВ, В. Матвиенко); Мы расписались на своих сердцах... **в клятве о дружественных связях** наших потомков (МН № 27, 15–21.07.2005: 10, Е. Строев); **гипертрофированная бдительность** основана на недоверии к водителю и **подозрении о его неполноценности** (ЭМ); **проводились испытания о снижении** токсичности (ЭМ).

Некнижной литературной норме конструкция **о + L**, нужно думать, сейчас вполне соответствует в сочетаниях с существительными, имеющими значение темы или итога ее развития, речевого либо интеллектуального (свидетельства, документа, теории и т.п.). Ср. примеры: **Есть важная тема о нашей, товарищ, общей судьбе** (ЭМ); **Горячая линия о пострадавших** во Франции (интернет-новости от 6.09.2006); **результаты о коррупции, сопоставимой с доходами федерального бюджета** (НоГ № 54, 28–31.07.2005: 3, Г. Сатаров); **выдвинуть новую версию о причинах** перехода предков человека к передвижению на задних конечностях (МН № 27, 15–21.07.2005: 17); **с годами эта истина о жестокости профессии становится очевиднее** (НоГ № 06, 30.01–01.02.2006: 25).

Впрочем, в период наблюдающейся в русском языке смены «речевого эталона» (по [Нещименко 1999: 94]) конструкции **о + L**, которые прежде однозначно воспринимались как ненормативные или в лучшем случае как варианты, терпимые в разговорной стихии, вообще постепенно становятся нейтральной принадлежностью арсенала языковых средств представителей всех слоев и групп общества снизу доверху. Своеобразными клише являются такие обороты, как **утверждать о том, что...**, в речи любого ранга чиновников и политиков. Симптоматично, что ведущая популярной передачи «Говорим по-русски» на радио «Эхо Москвы» М. Королева, отвечая в эфире на вопрос о корнях данного явления, провозгласила его предполагаемым рассадником собрание российских парламентариев! Ее вердикт полемически заострил Д. Быков в статье «Пропавшая грамота»: «Кризис управления в равной степени коснулся языка страны и ее государственной системы: слу-

жебные части речи, как чиновники, стоят не на своих местах. Их тоже слишком много, они бюрократически избыточны: “понимать о том”, “обсуждать об этом”, “период, о котором вы указываете”, “означает о том”, “заметил о том” – это все из речи первых лиц государства». (ОК № 48, 28.11–04.12.2005: 34). Ср. из речи вторых, третьих и прочих власть имущих лиц: *Дикий закон приняли, в котором **указано о том**, что...* (выступление депутата Госдумы РФ); *К родителям можно попасть в этот день, **доказав о том**, что они ваши родители* (разъяснение начальника ГУВД Москвы генерал-полковника Пронина об ограничениях в связи с празднованием 9 мая 2005 г.); *...действует через “Единую Россию”, которые **об этом не скрывают*** (М. Касьянов); *...чтобы **опасения о том**, что наши ценные бумаги будут минимизированы, были сняты* (С. Степашин); *Принципиальное понимание о необходимости перехода к рыночным отношениям... разделяют наши украинские коллеги* (В. Христенко) – и, наконец, *Если бы я снял свою меховую кепочку, то вы бы воочию увидели о том, что эта проблема существует* (Ю. Лужков на ТВ 30.12.2005 г. о вреде новогодних петард).

В совокупности, однако, собранный материал, показывает, что анализируемыми конструкциями злоупотребляют далеко не только государственные деятели. Конструкции **о + L** с неодинаковой частотностью, но совершенно естественно «генерируются» всеми говорящими и в меньшей степени пишущими, и со стороны реципиентов их реализация часто не встречает возражений.

Интересный спектр разных мнений мы получили, вынеся изучаемую проблему на форум передачи «Говорим по-русски» в Интернете. Единодушные в оценке конструкций типа *утверждать о том, что...* как ошибок (против правил литературного языка), участники форума разошлись в восприятии их активизации. Участница, именующая себя ником bantik, бесхитростно написала: «Сталкиваюсь с вопросом. Просто поправляю оратора. Трудно, но исправимо». Иной была реакция участника с ником Doub, выступившего в дискуссии с несколькими ценными замечаниями: «Эта ошибка настолько распространена, что я, будучи завзятым узуалистом, склонен признать ее новой нормой».

Тот же Doub на заданный случайным слушателем «Эха Москвы» и повторенный без кавычек вопрос *А как Вы оцениваете последнюю **инициативу** Путина **о том**, чтобы **сжечь** срок давности за приватизационные дела?* ответил: «Я уж было решил, что Вас и впрямь интересует мое мнение на эту тему, но тут обратил внимание на конструкцию. Да, употребляемость этой конструкции растет как на дрожжах...» Те из говорящих, которые хорошо чувствуют язык, даже пародируют ее. Так поступил ведущий «Эха Москвы», объявляя метеопрогноз: *Константин Похмелов в студии «**константирует**» о погоде...* Поистине эпидемия конструкций **о + L** охватила все общество – вплоть до детей. Ср.: *Мы когда-то с девочками **играли о том**, что...; **Об этом** помогли **восстановить** останки мамонтов, сохранившиеся в вечной мерзлоте* (из рассказов ребенка 11 лет).

Спустя год на том же форуме дискуссия о конструкциях типа *утверждать о том, что...* развернулась вновь. Некто Minga словно шутливо подхватил(а) суждение, которое вполне серьезно высказывал Doub, направив иронию опять-таки против власть имущих: «Очень многие чиновники так говорят... Будем вводить новую языковую норму? Или не будем? Потому что наша элита это специально изобрела, чтобы отличать “своих”?» При последующем обсуждении отмечалось, что активизирующиеся конструкции *о том, что...* нарушают принцип экономии языковых средств. Это без посторонних социологических соображений объяснила InnaZ: «Такое ощущение, что это где-то пару лет назад появилось, и действительно странно, что добавление слов, а не экономия. С другой стороны, дает время передохнуть и вспомнить мысль, скрыть паузу, как слова-паразиты». Мысль о новой норме довел до абсурда Ioshola, перечислив попутно некоторые подобные же обороты, слышанные в эфире «Эха Москвы» (*верю о том, предполагаю о том, представим о том*): «А может, ввести законом “отомчто” – как предлог обязательный?» Диаметрально различны оказались в остальном расхожие оценки «канцелярит» (ОКЗ) и «калька (about)» (gzeka). Прозвучало и наблюдение, неожиданное в предубежденно-обличительном хоре

голосов против нынешних языковых нравов: «Недавно слушал “Московские старости” – и что же? Оказывается, и сто лет назад предлогом “о” злоупотребляли». (Knigonosha). Во второй части статьи мы намерены подробно рассмотреть в сопоставлении с разговорными конструкциями наших дней употребление типа *утверждать о чем* сто и двести лет назад и показать, что оно было для того периода нормой (так что фразу *А. Х. Востоков, издавший в 1843 году Остромирово Евангелие... утверждает о существовании греческого протографа...* в дипломном сочинении 2006 г. можно считать выдержанной совершенно в стиле описываемой эпохи). Пока, впрочем, вернемся к синхронии.

При интерпретации данного явления велик соблазн считать, что конструкции *о + L* проникают «вместо» правильных литературных конструкций с другим падежом. Такой подход, однако, приемлем по крайней мере не для всех случаев. Мы, напротив, полагаем, что естественно возникающие разговорные конструкции равноправны с литературными, а порой даже не имеют строго литературных соответствий (см. выше наши комментарии к некоторым примерам М. Я. Гловинской).

Активизирующиеся конструкции *о + L*, бесспорно, отражают присущую живому разговорному языку тенденцию к «семантизации» синтаксиса, его ассоциативности, соотносительно с чем в нем протекают интенсивные аналогические процессы. Так, среди причин того, что управление *о + L* укореняется в первую очередь у глаголов со значением речи, мысли, режес восприятия и эмоций, главной нам видится аналогия – влияние наиболее общего носителя подобной семантики, своеобразного «глагола-архетипа»: *говорить, думать, знать, беспокоиться о чем* и т. п. Ср. в подтверждение этого реплику ведущего «Эха Москвы», отражающую механизм такой аналогии: *радиослушатели не думают о макроэкономике... их совершенно не заботит о том, как развивается экономика...*

Распространение сочетаний *о + L* при существительных может обуславливаться подобной же аналогией; «архетипами» здесь предстают в основном имена с общим значением предметного проявления либо продукта вербально выраженной или мыслительной деятельности, отглагольные и неотглагольные: такие, как *высказывание, повествование, мысль, мнение, свидетельство*, далее *документ, теория о чем* и т.п. Развертывание такой аналогии можно чрезвычайно наглядно проследить в контексте *Мы... привели десятки показаний свидетелей и другие доказательства о том, что танки стреляли днем* (НоГ № 38, 25–28.05.2006: 2).

В этой связи уместно указать на то, что отглагольным именам бывает свойственно в результате реализации собственного потенциала сочетаемости развивать управление, отсутствующее у базовой глагольной лексемы, включая *о + L*. Управление это перенимает иногда и глагол, см. примеры выше *представляешь себе о том, что...* (← *представление о чем*), *решать о дальнейших действиях* (← *решение о чем*); ср. также фразу из советского детектива 1941 г. *Убийца не оставил никаких следов... лишь исчезновение чертежей позволяло предполагать о цели совершенного преступления* (Овал. 27). При этом сами deverбативы, подчас лишь бывшие, этимологические, уравниваются в управлении с другими именами и именными группами, имеющими близкое значение; ср. следующий ряд: *мнение* (в современном языке оторвавшееся от устар. *мнить о чем/ком*), *позиция* (*позиция о том, что...*) и, наконец, *точка зрения* (*Если вы хотите знать мою точку зрения о том, хочет ли реально Путин, чтобы его избрали на третий срок...* – ЭМ, С. Доренко). Эти «единоуправляющие» именные единицы вкупе с глаголами, с которыми они сочетаются, образуют одно смысловое поле, так что при распространении комплекса элементов длинной больше слова бывает неясно, к какой его части – лексеме, а то и морфеме – относится детерминант. Так, автор фразы *Цитируется законодательство РФ о том, кто именно должен в таких ситуациях брать на себя ответственность* (НоГ № 64, 01–04.09.2005: 3) явно подразумевал не все законодательство, а только один закон о борьбе с терроризмом, реально же цитату оттуда о том, что конкретизировано далее. Детерминант *о + L* здесь, следовательно, соотносителен со всем им поясняемым сочетанием. В этом и других сходных случаях его логичнее было бы даже понимать как свободное пояснение, вносящее

свое значение *на тему о чем / по поводу чего* или, еще шире, *в связи с чем*, как в контексте *Я поставлю тебе «двойку» о том, что плохо себя ведешь* (учительница в школе). Ср. фразу с эксплицированием этой семы одновременно двумя способами: *Меня, как человека, конечно, потряс комментарий Чубайса в том ключе о том, что...* (ТВ).

В ряде случаев речь идет о контаминированных конструкциях, в которых, впрочем, компонент *о + L* выступает носителем этой же семы. Например: *Все обо всем в курсе, все всё про меня знают* (НоГ № 27, 13–16.04.2006: 21) – контаминация *быть в курсе чего* и *знать о чем*; *Да я сразу понял, о чем суть идет!* (ТВ) – контаминация *о чем идет речь* и *в чем суть*; *Тут вопрос не стоит о том, что надо лечить чем-то сногшибающим...* (из речи врача) – контаминация *вопрос стоит, вопрос в том* и *вопрос о том*; *А мы с Наташей по двору идем, и нет нам дела больше ни о чем* (из песни).

II

Корни современного возрастания частотности конструкций *о + L* в русском языке можно уяснить, обратясь к картине в литературном языке XIX – начала XX вв. Авторами ряда работ отмечалось, что норма той поры была в отношении сочетаний *о + L* гораздо более терпимой, нежели сейчас. Привлекая некоторые примеры XIX в., типа *радость о благополучном успехе* из [Очерки 1964: 184–185] и *проект о новом способе покорения Кавказа* из [Григорьев 1961: 7], М. Я. Гловинская вычерчивает «кривую» последующей эволюции в литературном языке по направлению к ситуации в современном субстандарте так: «В дальнейшем это управление было утрачено, но впоследствии снова возродилось, притом на более широком материале» [Гловинская 2000: 253]. Этот вывод должен быть уточнен с учетом аутентичного материала художественных и других текстов XIX и первых десятилетий XX в., который оказался также довольно широким.

Конструкции *о + L* в старом языке почти столь же часто, как и в нестрого литературном современном, встречаются при глаголах, именах и фразеологических глагольно-именных либо глагольно-глагольных сочетаниях – тех же или однородных тем, для которых теперь сочетаемость *о + L* воспринимается как ненормативная.

В рамках конструкций первой подгруппы равно узואльным было управление *о + L* для глаголов со значением а) говорения и, шире, вербально выраженного сообщения и б) мыслительной деятельности и эмоций. Ср. примеры:

а) *Пожалуйста, не ленись обо всем обстоятельно мне описать* (Пуш. X: 90); *Покамест жалуюсь тебе об одном: как можно в статье о русской словесности забыть Радищева?* (Пуш. IX: 67); *он начертал план для будущей жизни, которая вовсе могла не понравиться графине и о которой колебался он открыть ей* (Бест. 60) и выдержки В. П. Григорьева: *впрочем, произошло еще несколько других случайностей, о которых стоит отметить* (Лесков); *сборные сторожа... передали о моем поведении нашему церковному старосте; я многим высказывал об этом моем желании...* (Свешников) [Григорьев 1961: 11].

б) *...она имела довольно времени обдумать о минувшем и настоящем* (Бест. 44); *Но по сую сторону ограды о том мире представляли себе как о какой-то несбыточной сказке* (Дост. III: 395); *они нас не знают и потому так об нас понимают* (Тург. VIII: 187); *Открой же мне, однако, как ты об этом понимаешь?* (Леск. IV: 451); *...и я опять о дите страдать буду* (Леск. IV: 412).

В примерах с глаголами *описать, обдумать* конструкция *о + L*, помимо семантики глагола, «предсказана» еще приставкой. Случаи такого рода не редки и впоследствии, ср. в советском детективе 1957 г. *Да, я пришел официально отречься от родного сына и, если возможно, то просить опубликовать об этом в газете* (Лаз. 325), а также в наши дни: *Там было описано о том, как мне платили хорошую зарплату* (ЭМ); *Ты маме дома все расскажи и обо всем с ней обговори* (школьный врач).

Напротив, вопреки приставке в конструкцию с предлогом *о* как вариантную в XIX в. входили такие глаголы, как *надеяться* или *наекать / намекнуть*. Ср. примеры: *Надеюсь, что ты здоров, о другом надеяться не смею...* (Пуш. IX: 152); *Он никогда до тех пор и не намекал Лежневу о своих чувствах к Наталье* (Тург. V: 275); *Она нашла дом грязным и темным..., но не почла за нужное даже намекнуть о том мужу* (Тург. VI: 48); *я намекнул кое-что о состоянии, в котором находилось мое сердце* (Толст. I: 261). Это употребление вопреки утвердившейся новой норме отчасти сохраняется в современном разговорном языке, ср. *намекнул областному руководству о необходимости раскошелиться* (НоГ № 55, 01–03.08.2005: 24).

В других случаях утраченное впоследствии управление *о + L* объясняется старым словоупотреблением. Например: *Когда ты будешь у меня, мы станем трактовать о банкноте, о переписке, о месте пребывания* (Пуш. IX: 128); *Статья эта трактует об отношениях торговли... или нет, бишь, промышленности к торговле в нашем отечестве* (Тург. V: 220); ср. толкование В. И. Даля «*трактовать о чем, рассуждать, говорить или писать*» [Даль IV: 425].

Специфичны «медиапассивные» конструкции с компонентом *о + L*, который должен с точки зрения валентной структуры глагола занимать субъектную позицию; ср. *О ком ей снилось?* (Грибоедов, пример из [Григорьев 1961: 11]) и еще в XX в. *А если вам нужна помощь, то мы можем оказать вам такую, о какой вам и во сне не мерещилось* (Шаг. 49). В том и другом случаях конструкция *о + L* могла обуславливаться влиянием существительного *сон* (*о ком / о чем*). Не синтаксически, но семантически схожий глагол *бредить* мог перейти к управлению *о + L* в результате сближения с глаголами *грезить, мечтать*; ср. у В. И. Даля *Чего не видишь, о том (тем и) не бредишь* [Даль I: 127], а также в литературных текстах XIX и XX вв. *Шшиков бредил уже и тогда о восстановлении старого слога* (Герц. 439); *На полатах... бредил Савелий о Людмиле Иванне. Мнилась, видно, и пьяному поповская дочка* (Леон. Б₂: 211). Все эти примеры вновь подтверждают закономерность: подвергающиеся унификации управления *о + L* слова образуют одно смысловое поле, в котором и ширится эта конструкция.

Фиксируются в конструкциях *о + L* и связанные глагольно-именные и глагольно-глагольные сочетания. Примеры: *...какой-то тобольский мещанин решил довести до сведения государя о положении дел* (Герц. 236); *...инвалидный офицер все расскажет приставу, а пристав тотчас же доведет об этом до сведения обер-полицеймейстера* (Леск. VIII: 159); *Я рассказал этот почему-то мне памятный случай только затем, чтобы дать понять читателю о том, в каком роде были мои умствования* (Толст. I: 156). Ср. в советском детективе: *...геологическая партия довела до сведения правительства о том, что в провинции Мендос обнаружены промышленные залежи урана* (Мих. 218).

В конструкциях с компонентом *о + L*, относящимся к существительному от основы глагола, оно, как и теперь, крайне редко обозначает реально действие, ср.: *слушая его... хвастовство о том, как он устроил дела опеки* (Толст. XIII: 239). Чаще в таких конструкциях выступают имена непрямо девербативные, опосредованно связанные с глаголами либо произведенные от прилагательных, со значениями ментального или психического состояния, а также эмоций. Примеры:

...уже явилось сознание о возможности несправедливой, безгрешной наживы (Усп. VIII: 58); *...как будто не могло быть сомнения о том, что она со всеми была, есть и должна быть в простых, ласковых, братских отношениях* (Толст. XIII: 185); *...начал Игнатий Никифорович с полной и спокойной уверенностью о том, что Нехлюдов социалист* (Толст. XIII: 324); *Проснувшись на другое утро, первым чувством Нехлюдова было раскаяние о том, что у него вышло с зятем* (Толст. XIII: 329); *Не обращая внимания на возбужденное всеобщее любопытство о будущем ревизоре, он прямо идет к стряпке ...* (Дост. III: 630); *Но что во всем сем наибольшее – это то, чтобы хранить о всем деле сем осторожность...* (Леск. VIII: 173).

Хотя в этих эксцерпциях XIX в. в конструкциях анализируемого типа выступают зачастую буквально те же имена, какие встречаются в них в современном языке, в других случаях заметно, что ранее спектр таких имен все же был богаче. Относительно бóльшая частотность конструкций *о + L* при существительных обуславливалась тем, что в XIX в. они, вероятно, выражали не обязательно «валентность темы», т.е. не столько значение *на тему о чем*, сколько, шире, *по поводу / насчет / касательно / в отношении чего*. Ср. еще: **О чем же горе?** (Пуш. X: 163) при поныне правильной предложной конструкции глагола *горевать о чем*; *...кажется, только что покинула грифель, но не бросила своей выкладки вероятностей о производстве в чин того и того* (Бест. 35); *Взявши я паспорт, пошел безо всякого о себе намерения, и пришел на ярмарку* (Леск. IV: 449). Следы этого старого употребления можно усматривать в вычурных синтаксических построениях отдельных писателей XX в., например, у Л. М. Леонова в «Барсуках»: *...расположась всюду – сидя и лежа, следили они с хмурой мечтательностью за изголодавшимся воображением: о мирном житии, о махорке, о женской ласке, о жирных щах* (Леон. Б₂: 295). Интересно, что в последующей редакции данного романа находим нормализованную конструкцию с глаголом: *хмуро мечтали они о мирном житии, о махорке...* (Леон. II: 259). Ср. замечание Норы Галь, высказанное в 1979 г. в адрес статьи одного кинокритика в связи с фразой, что фильм *заставляет спуститься с высот воображения об идеале на грешную землю*: «Да, явно перемудрил автор, солидности ради щедро уснастил статью не только иностранными словами, но и сверхсложными построениями... Нет, недаром отозвались на эту статью сердитым письмом молодые читатели!» [Галь 2001: 128].

Со второй половины XIX в. по мере постепенного утверждения новой нормы такое употребление анализируемых конструкций при именах в первую очередь со значением предметного представления интеллектуальных актов и душевных процессов в принципе сужалось: управление *о + L* уступало место более специфицированным конструкциям либо, напротив, семантически максимально общему родительному падежу. Конкуренцию с последним позволяют иллюстрировать примеры изменяющейся сочетаемости трех имен: *план, проект и дело*.

Слово *план* в следующих ниже случаях двузначно; в первом контексте значение пояснено синонимом: *Нехлюдов, увлеченный своим планом о крестьянской ферме... стал объяснять мужику свое предположение о мужицкой ферме* (Толст. II: 352), во втором оно скорее означает 'набросок': *Сущность дела об отравлении он знал в общих чертах и составил уже план речи* (Толст. XIII: 29).

У слова *проект* новая конструкция с родительным падежом начала развиваться вместо прежней *о + L* только с конца XIX в., например: *проект об учреждении академии шпионства* (Герц. 195); *проекты о переустройстве местного управления* (Усп. VIII: 55), но *проект отдачи земли крестьянам* (Толст. XIII: 222–223).

Аналогично при термине юриспруденции и судопроизводства *дело* у наименований лиц-производителей действия начинает отдаваться предпочтение родительному падежу не ранее конца XIX в. Например: *Государь император изволил мне приказать распечатать дело о Пугачеве* (Пуш. X: 251), *Там были... дела о злоупотреблении помещицей властью, о раскольниках, фальшивых монетчиках и людях, находящихся под полицейским надзором* (Герц. 393), но у Л. Н. Толстого в «Воскресении» (1889–1899) *дело о скопцах* (Толст. XIII: 26) и *дело Меньшовых* (Толст. XIII: 190). При этом также в современном языке здесь сохраняется возможность конкуренции обеих конструкций, и порой имеет место выбор старой ради акцентирования не агентивной, но объектной семантики, ср.: *«Дело врачей, – диктовал Хрущев, – это, может быть, не дело врачей, а дело Сталина, потому что никакого дела о врачах не было»* (ОК № 7, 13–19.02.2006: 18).

Итак, в развитии русского языка двух последних столетий прослеживается явная преемственность конструкций *о + L*, непрерывно удерживавшихся в употреблении при глаголах и именах с некоторым ограничением под воздействием изменяющейся литера-

турной нормы и соответственно со стилистической переоценкой и перемещением части таких конструкций из стандартного языка в субстандарт.

На то, что конструкции *о + L* оставались и остаются высокопродуктивным типом, полагаем, повлияли два фактора. Во-первых, эти конструкции лежали в русле глобальной тенденции роста аналитизма, свойственной русскому, как и вообще славянским языкам, которая поныне находит выражение, в частности, в предпочтении предложно-падежных сочетаний беспредложным. Во-вторых же, это тип, который позволяет передать в самом общем виде неспецифицированное косвенное отношение – в особенности в глагольных сочетаниях, из-за чего также и в литературном языке перед ним порой отступало прежде узуальное прямое управление глагола винительным падежом либо иное, в первую очередь если глагол имел вариативную валентность. Приведем некоторые примеры.

В 1845 г. А. О. Смирнова-Россет занесла в дневник: «*Велик<ий> к<нязь> Михаил Павлович... наконец, застал меня в первый раз после смерти дочери. Он очень еще грустен, рассказывал ее смерть*». (См.-Рос. 6). Ср. с этим выдержки из художественных произведений, написанных в 1855 г.: *Рудин рассказал было Наталье свое посещение у Волынцева* (Тург. V: 294), однако *Старуха матроска... рассказала в сотый раз пьяному Никите о своем горе: как ее мужа убили еще в первую бандировку и как ее домишко на слободке весь разбили...* (Толст. II: 135–136). Сейчас возможно только *рассказывать / рассказать о смерти, о посещении*, однако *рассказать сказку или свой сон*, тогда как вполне вероятный вариант *о своем сне* подразумевал бы скорее описание сопутствующих обстоятельств.

Нетрудно заметить, что в этом и, следует думать, в других аналогичных случаях выбор в пользу той или иной конструкции ныне обуславливается семантикой существительного-дополнения в тесной связи с намерением говорящего акцентировать содержание сообщаемого либо констатировать сам факт сообщения. Сообразно с этим конструкции *о + L* в целом отличаются менее формальным управлением при большей отвлеченности значения, выражаемого предложно-падежным сочетанием. Это своеобразие исследуемый тип обнаруживает и сравнительно с традиционными иными конструкциями с непрямым дополнением.

В. И. Даль для глагола *отсчитываться* узаконивал исключительно управление *в чем* [Даль II: 759], в современном же языке обычно *отчитываться / отчитаться о чем* – при том, что старое управление удерживается у девербатива в связанных сочетаниях *дать отчет в своих поступках* или *отдать себе отчет в чем*. Фразеологическую связанность подобной сочетаемости, в естественном высказывании уступающей место управлению *о + L*, можно наблюдать также на примере слова *справка* и других из того же ряда, ср. спонтанно заданный вопрос *Где можно заказать справку о том, что я тут учусь?* (из речи) и традиционную формулировку *Справка дана... в том, что...* или в версиях начала XX в. *Удостоверение. Выдано сие... врачу... в том, что он...* (1903), *Свидетельство. Дано сие врачу... в том, что он...* (1906).

У соотносительного с последним в цепочке этих имен глагола *свидетельствовать* В. И. Даль на первом месте указывал то же управление *в чем* [Даль IV: 148], в современном языке – только *о чем* или *что* во фразеологических сочетаниях *свидетельствовать свое почтение / уважение* и *свидетельствовать подлинность (чего)*. Конструкция *о + L* для данного глагола, конечно, была не нова; характерно, однако, что именно на ее основе в XIX в., видимо, происходила временная унификация управления также однокоренных имен. Ср.: *Это были преступники... с проклейменным лицом для вечного свидетельства об их отвержении* (Дост. III: 397), в современном языке, исключая названия документов, обычно *свидетельство чего; ...и стали все послушники говорить, что это Иуда и что он по ночам по обители ходит и вздыхает, и многие были о том свидетели* (Леск. IV: 507–508), в современном языке *свидетель чего / чему*. Интересно в этой связи, что В. П. Григорьев при рассмотрении разговорных «примеров типичных ошибок в построении конструкций с предлогом *о*» приводил как некорректный по меркам XX в. перевод фразы из

романа Ч. Диккенса «Домби и сын»: *он несомненно хотел засвидетельствовать о своем уважении к церковной службе, которой отчасти помешал* [Григорьев 1961: 6], в издании 1959 г. – *свое уважение* (Дикк. XIV: 428). Прокомментируем это непрямо словами жителя Канады, пишущего на форуме «Эха Москвы» под ником *Personne*: «Попытаюсь добраться до Диккенса. Пока же дословный перевод “В чем твоя беда?” *подсказывает мне о другом*».

Универсальным средством анализируемого типа конструкции предстают не только в смысле их неспецифицированной семантики, но также соответственно в синтаксическом плане, так как они обслуживают слова разных частей речи, родственные или «рядоположенные», и их сочетания, иногда сжатые. Выше были приведены некоторые встреченные в современном языке случаи, когда детерминант *о + L* соотносителен одновременно с многими словами или, шире, элементами поясняемого контекста. Прибавим теперь к ним выдержки из художественных произведений конца XIX и начала XX вв.: *Кажется, на третий или на четвертый день я застал жену скучною, стал спрашивать, о чем...* (Толст. XII: 30), где *о чем* предполагает мысленное продолжение *она скучна / скучает / ее скука* со значением по В. И. Далю «тоска, грусть, томленье горем, печалью» [Даль IV: 212]; *Гости съехались, облепленные попутчиками в виде... лекторов о любви со световыми проекциями* (Эренб. II: 243), т.е. *лекторов, читающих лекции о любви*.

В завершение наших рассуждений об употреблении конструкций *о + L* в XIX и в начале XX вв. уместно указать на то, что сохранение их вплоть до современного этапа, суммарно совершенно объективное, в индивидуальном стиле может являть собой плод естественного либо сознательного культивирования языкового наследия предшествующей эпохи.

Так, В.П. Григорьев, приводя среди случаев небрежного использования некоторыми писателями конструкций *о + L* фразу Тынянова *Этот низкий генерал... заблуждается о пределах своей власти*, оговаривается: «если это не стилизация» [Григорьев 1961: 12]. Впрочем, у Тынянова в подобном употреблении можно усматривать как преднамеренный выбор способа речевой характеристики персонажа (Карамзина), так и органичное следование традиции языка XIX в.

В наши дни явно с намерением стилизации к конструкции *о + L* прибегнул автор популярного романа в следующем диалоге: *Но мне бы хотелось, чтобы мы говорили не об идеальных схемах, а о шагах, могущих иметь практические последствия. – Именно об этом я и излагаю.* (Ак. 151). Интересно, что это устаревшее употребление глагола *излагать* дословно совпало с одной из «ошибок», цитируемых В. П. Григорьевым: *У вас большой материал, и надо излагать об этом* [Григорьев 1961: 6]. Трудно, однако, судить о том, допустил ли здесь говорящий действительно ошибку или таков был речевой навык старого профессора.

Зато можно с уверенностью утверждать последнее, вчитываясь во фразу, которая совсем недавно вышла из-под пера В. Н. Топорова: *Характер языковых и этнокультурных сходств между этими ареалами позволяет заключить как о наличии* *некоей двуединой территории, отличающейся рядом общих признаков, так и о постоянных связях в меридиональном отношении от Балтики до Балкан и – шире – Средиземноморья* [Топоров 2006: 17].

III

Л. Е. Лопатина в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» пишет в статье «Управление»: «Поскольку управление – прежде всего явление формально выраженное, сходные или даже тождественные по семантике глаголы могут иметь разное управление в различных языках...»; при этом, однако, «в отличие от согласования, выбор управляемой формы в значительной степени зависит также от лексико-грамматической группы, к которой принадлежит главенствующее слово» [ЛЭС 2002: 537].

В близкородственных славянских языках такими поныне постоянными «группами поддержки» управления **o + L** служат глагольные и именные лексемы со значением говорения либо иначе передаваемого или принимаемого сообщения. В других случаях даже на первый взгляд между разными славянскими языками заметны несоответствия.

Интересные межъязыковые различия обнаруживает русско-чешское сопоставление конструкций **o + L**. В современном чешском языке таковые встречаются на правах литературного средства достаточно часто и в таких сочетаниях, какие в русском бы оказались за рамками нормы. Это подтверждает уже сочетаемость ряда глаголов говорения и иных с этим оттенком в значении. Ср. для примера заголовки новостей в Интернете: *Krejčíř lže o penězích pro ČSSD* ‘Крейчирж лжет насчет денег для ЧСДП’; *FBI se v Praze radí o východních mafiích* ‘ФБР в Праге совещается насчет восточных мафий’; *Čeští politici chtějí poučit Severokorejce o demokracii* ‘Чешские политики хотят преподать северным корейцам урок демократии’. Та же конструкция возможна при однокоренном глаголе со значением получения сведений: *Ruští vysokoškoláci se učí i o mimozemšťanech* ‘Российские студенты изучают также инопланетян’ (заголовок, «сжимающий» фразу из основного текста сообщения *Studenti se ve škole například učí, jak zareagovat, když se setkají s mimozemšťanem* ‘Студенты в вузе учатся, например, тому, как отреагировать, если они повстречаются с инопланетянином’).

Заслуживают внимания результаты статистического обследования окказионального употребления подобных глаголов в конструкции с объектом **o + L** на материале Чешского национального корпуса в статье [Štícha, Holubová 2004]. Проверка на «степень окказиональности» выявила по сути вполне узуальный характер, например, управления **o + L** у глагола *lhát* ‘лгать’ (см. наше извлечение выше; в ЧНК 20 случаев), за которым стремится его синоним *klamat* ‘обманывать’ (в ЧНК 5 случаев типа *prodávající... klame nepřesnými či neúplnými informacemi o vlastnostech výrobku* ‘продавец, сообщая неточные или неполные сведения, вводит в заблуждение относительно качеств изделия’). Фиксируются в корпусе также конструкции **o + L** при глаголах со значением получения сведений *poslouchat* ‘слушать’ (6 случаев) и *vyslychat* ‘допрашивать’ (5 случаев), ср. примеры из полярных в жанровом отношении источников: *Pro mě bylo nepřijatelné poslouchat o “změnách v SSSR”...* ‘Мне невыносимо было слушать об “изменениях в СССР”...’; *Podle Písma: “Buďte vždy připraveni dát odpověď každému, kdo by vás vyslychal o naději, kterou máte...”* ‘Сказано в Писании: будьте всегда готовы дать ответ всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании...’ (1 Петр 3: 15), букв. ‘кто допрашивал бы вас о надежде, которую вы питаете’. Перевод последних отрывков показывает, что сочетаемостный тип **o + L** у соотносящихся с чешскими глаголами присущ и русскому узусу, по меньшей мере разговорному. Другой такой случай – окказиональная, не нашедшая отражения в словарях сочетаемость *křičet o čem* (в ЧНК 26 вхождений), равная русской *кричать о чем*.

Ситуация у глаголов мышления в чешском языке отлична от русской потому, что многие глаголы данной подгруппы – *myslit (myslet)* ‘думать’, *vzpomínat / vzpomenout (si)* ‘вспоминать / вспомнить’, *pamatovat (se, si)* ‘помнить’ – утратили давнее управление **o + L**, восприняв германскую модель *na co*. Глагол *myslit (myslet)* сохранил его исключительно как возвратный с компонентом *si* и обязательно в сочетании с дополнением в винительном падеже, обычно местоименным (*Co si o tom myslíš?* = рус. *Что ты об этом думаешь?*). Конструкцию **o + L** в чистом виде имеет лишь глагол *přemýšlet o čem* ‘размышлять’ и его книжные синонимы *uvažovat, přemítat* и др., как вариантную также *rozjímat, hloubat o čem // nad čím* ‘раздумывать’, аналогично *bádat o čem // nad čím // v čem* ‘изучать, исследовать’. При этом нормой конструкция **o + L** является для глаголов *přesvědčit (se) / přesvědčovat (se) o čem* ‘убедить(ся) / убеждать(ся) в чем’ и *pochybovat o čem* ‘сомневаться в чем’, как и для бессубъектного *zdát se* ‘сниться’ (*O kom se jí zdálo?* ≈ рус. *О ком ей снилось?* у Грибоедова). Интересна подмеченная авторами статьи [Štícha, Holubová 2004] окказиональная сочетаемость *tušit (co) o čem* ‘догадываться о чем’ (36 случаев в ЧНК), *pochopit mnohé o čem* ‘понять многое о чем’ (3 случая в ЧНК) и единичный случай вне корпуса *nechápat nic*

o čem ‘не понимать ничего в чем’ (ср. выше наши примеры конструкций **o + L** с глаголами *понять / понимать* в русском языке разных эпох).

В остальном в сопоставлении с состоянием в русском языке чешскому свойственна большая частотность конструкций **o + L** при глаголах со значением интеллектуальных действий, например *rozhodovat / rozhodnout o čem* ‘принимать / принять решение о чем’, *hlasovat o čem* ‘голосовать по чему / по поводу чего’, *účtovat o čem* – бухг. ‘вести расчеты’ (в разных специальных выражениях переводится контекстуально). Ср. в отчете аудитора: *Společnost účtuje o najatém majetku tak, že...* ‘Компания засчитывает арендованное имущество таким образом, что...’; *O odložené daňové pohledávce se účtuje pouze tehdy, je-li pravděpodobné, že...* ‘Отсроченное налоговое требование засчитывается только в случае, если существует вероятность того, что...’

Конструкция глагола обуславливает сочетаемость также соотнесенных существительных, собственно глагольных и однокоренных; ср. производные от приведенных выше лексем *rozhodování* и *rozhodnutí o čem* ‘принятие решений’ и ‘решение’, *hlasování* ‘голосование’ (например в новостном заголовке: *Hlasování o nedůvěře vládě* ‘Голосование по вопросу о недоверии правительству’), а в случае последней однокоренное слово *účetnictví* ‘бухгалтерия, бухгалтерская отчетность’: *Deriváty... jsou účtovány pomocí tzv. účetnictví o zajišťovacích derivátech* ‘Производные... засчитываются при помощи так наз. бухгалтерии обеспечительных производных’.

Шире дозволенного нормой русского языка развита в чешском анализируемого типа конструкция при именах (необязательно отглагольных), обозначающих так или иначе фиксируемые результаты деятельности, документы, подтверждения каких-либо фактов или сами эти факты, а также акции, содержание которых выражает компонент **o + L**. Ср. в новостях: *Kypr zablokoval kompromis o Turecku* ‘Кипр заблокировал компромисс по Турции’; *Ministr zdravotnictví... nemá důkazy o korupčním chování některého pracovníka svého úřadu* ‘Министр здравоохранения... не располагает доказательствами получения взяток кем-либо из сотрудников его учреждения’; в Уставе АО: *Zápisy o valné hromadě... se uchovávají v archivu společnosti* ‘Протоколы общего собрания... хранятся в архиве компании’ (но там же *Rozhodnutí... musí být uvedeno v zápisu z nejbližšího zasedání představenstva* ‘Решение... должно быть внесено в протокол ближайшего заседания правления’); *údaj o tom, že akcie neopravňuje k hlasování* ‘указание на то, что акция не дает права голоса’; в тексте тренинга для менеджеров: *získat zpětnou vazbu o důsledcích některých forem chování a rozhodování* ‘получить обратную связь относительно последствий некоторых форм поведения и принятия решений’; в публицистических и в художественных текстах (примеры взяты из ЧНК): *Není tím, zač se vydává, ani tím, zač ho lidé považují; skutečnost o něm samém bývá někdy daleko složitější* ‘Он не тот, за кого себя выдает, и не тот, кем его считают люди; настоящий он подчас намного сложнее’; *upozornění na knížku o zkušenostech o klinické smrti* ‘указание на книжку об опыте клинической смерти’; *dokončení projektu o jídelnách* ‘завершение проекта по устройству столовых’; *Seminář o manželství. V tomhle oboru tě považuju za zkušeného...* ‘Семинар по вопросам супружества. В этом деле я считаю тебя опытным...’; *V zadním traktu soudu zřídila policie výstavku o zločinnosti* ‘В заднем флигеле суда полиция развернула выставку, посвященную преступности’ и т.д.

Конструкция **o + L** может также представлять собой принадлежность сказуемого, выступая как его детерминант либо даже главный его элемент. Ср. заголовки новостей: *Koalice nebyla o nájemném jednotná* ‘В вопросе об арендной плате коалиция была не единой’ (при основном сообщении *Ani poslanci koaličních stran nebyli... na druhém čtení zákona o nájemném zajedno v tom, jak by se mělo postupovat* ‘Даже депутаты от коалиционных партий при обсуждении закона об арендной плате во втором чтении не были едины в вопросе о том, как действовать’, где наречие в сказуемом имеет другую сочетаемость, а компонент **o + L** относится к существительному *zákon*); *Začal Invex, bude hlavně o mobilech a digitální zábavě* ‘Открылся «Инвекс»; он будет посвящен прежде всего мобильникам и цифровым играм’ (при основном сообщении *Hlavními tématy letošního 15. ročníku Invexu... bude mo-*

bilní telefonování, digitální zábava... 'Главными темами 15-й по счету ярмарки «Инвекс» в этом году будет мобильная телефония, цифровые игры...'). Эти примеры убеждают в том, что, как в русском языке наших дней, по мысли М. Я. Гловинской, также и в современном чешском возрастающая активность конструкций *o + L* мотивируется часто компрессией текста.

Примечательную новацию в чешском языке новейшей эпохи представляют собой предикативные конструкции глагола *být* 'быть' с компонентом *o + L*, типа *je / není o tom + придаточное предложение* '(суть чего-либо) заключается в том / не в том...', *je o něčem jiném* 'это нечто иное', 'это другое дело' и с именными группами, в последнем случае имеющие общеотносительное значение, конкретизируемое в контексте. Распространение этих конструкций в 1990-е гг. документировала богатым материалом Н. Свозилова в ряде заметок о чистоте речи [Svozilová 2003: 26–27; 145–146]. Ср. ее примеры, почерпнутые главным образом из передач ТВ и радио, реже из печатных изданий:

Veřejnoprávní fond je o tom, že prostředky vybrané na pojištění nebudou použity na jiné účely (ТВ 1995) 'Суть общественного фонда в том, что средства на страхование не будут направлены на другие цели'; *Demokratická strana je o tom, že se uvnitř diskutuje* (радио 1998) 'Суть демократической партии в том, что внутри нее ведутся дискуссии'; *Je to spíš o tom, že mám kolem sebe spoustu dobrých známých* (радио 1998) 'Дело скорее в том, что меня окружает масса хороших знакомых';

Je třeba zavést jasná pravidla... Kázat mravnost... je o něčem jiném, je to individuální pokus o zvyšování laťky («Лидове новины», 1995) 'Нужно ввести четкие правила. Проповедовать же нравственность – это другое, это индивидуальная попытка поднять планку'; *Mohli bychom poukázat ještě na další případy, ale to už by bylo o něčem jiném* 'Мы могли бы сослаться еще и на иные случаи, но это была бы уже другая история'; *Nejnovější aféra je o něčem jiném...* 'Последняя афера – это другое дело'; *AIDS je o něčem jiném než dosavadní epidemie* 'СПИД – это нечто иное по сравнению с прежними эпидемиями' (три последние извлечения – ТВ 1995); *Tenhle počítač je úplně o něčem jiném* (из речи, одобр.) 'А вот этот компьютер – совсем другое дело';

Ten projekt je o slovenských dětech, o přidělování dětí do rodin (ТВ 1995) 'Этот проект касается словацких детей, передачи детей в семьи'; *To není o malých penězích* (разг., радио 1995) 'Тут деньги немалые'; *Medicína je o obrovské soustředěnosti na věc, kterou nedáte zpátky...* (разг., ТВ 1995) 'Медицина – это отдача всего себя делу, от которого невозможно отказаться'; *Celý můj život byl hlavně o práci...* (из интервью актрисы, 1996) 'Вся моя жизнь заключалась в основном в работе'; *Politika není o faktech, je bohužel o dojmech...* (ТВ 1998) 'В политике главное – не факты, а, увы, впечатления'; *Muzikoterapie je vlastně hlavně o komunikaci* (радио 1998) 'Музыкальная терапия – это в сущности прежде всего общение'; *V roce 98 to bude o daleko více veletržích než předchozí léta* (ТВ 1998) 'В 98 году состоится гораздо больше ярмарок, чем в предыдущие годы';

kdybych tam byl nebo nebyl, že to bude o tomtéž (радио, 1995) 'буду я там или нет – это все равно'; *abychom si jako občané uvědomili, o čem ta Evropská unie vlastně bude* (ТВ 1998) 'чтобы мы как граждане осознали, что, собственно, будет означать этот Евросоюз'.

Н. Свозилова рассматривает эти разговорные конструкции как модные языковые клише 90-х гг. (с оговоркой в заметке 1998 г.: «уже, собственно, не такие и модные»). Критикуя повальное увлечение ими, она указывает на то, что конструкция *být o čem* относится в основном к сфере сообщений и при наименованиях объектов действительности по сути вызывает «дрейф» последних в плоскость фабул. Такой способ подачи, суммирует исследовательница, остроумно играя словами, преподносит (*před/e/stírá*) предметы как особенные, снижает их или же – намеренно? – затемняет.

«Первым среди новых фразеологических оборотов» конструкцию *být o čem* назвал также Ф. Данеш в коллективном труде «Чешский язык на рубеже тысячелетий» [Daneš a kol. 1997: 22]. Он привел новые яркие примеры, включая совершенно курьезную фразу *Můj syn je narkoman, ale mám taky dvě dcery a ty jsou o něčem jiném* 'Мой сын наркоман, но

у меня есть еще две дочери, так они совсем другие' (букв. 'о чем-то другом'), и констатировал, что эти обороты в наше время вполне приняты даже в публично звучащих речах вплоть до высшего уровня. Стимулировать их, по версии Ф. Данеша, могло воздействие английского языка.

Почетное место занимает конструкция *být o čem* – «пожалуй, самое употребительное и универсальное клише рубежа тысячелетий» – в кратком энциклопедическом словаре чешского новояза последних пятнадцати лет, составленном В. Юстом [Just 2003: 108]. Крайне интересен материал автора, недвусмысленно свидетельствующий о том, как широк круг лиц, пользующихся этим клише («от бездомных через домохозяек, студентов, журналистов, актеров, менеджеров до министров»). Ср.:

Vstup do EU je také o tom, že bude německý policista se zbraní v ruce na našem území zatýkat české občany... (ТВ 2001, премьер-министр В. Клаус) 'Вступление в ЕС подразумевает также и то, что немецкий полицейский с оружием в руках будет на нашей территории арестовывать чешских граждан'; *O čem budou příští parlamentní volby? O míře naší volnosti při rozhodování o nás samých, o velikosti a síle státu, o tom, zda připustíme, aby nám někdo zakazoval pracovat jak chceme...* (газета «Лидове новины», 2001, депутат И. Лангер) 'О чем пойдет речь на будущих парламентских выборах? О степени нашей свободы при принятии решений, касающихся нас самих, о величии и силе государства, о том, допустим ли мы, чтобы кто-то запрещал нам работать так, как мы хотим'; *Pojem rovnoprávnost mužů a žen je totiž hlavně o naší společnosti* (газета «Млада Фронта Днес», 2002, депутат Я. Гамплова) 'Понятие равноправия мужчин и женщин – это проблема главным образом целого нашего общества'; *Můj skok byl především o štěstí... Březnový turnaj v Harrachově nebude už o medailích, ale o exhibici...* (ТВ 2002, олимпийский чемпион по фристайлу) 'Мой прыжок – это было прежде всего везение... На мартовском же турнире в Гаррахове дело будет уже не в медалях, а в том, чтобы показать себя...'; *Dnešní hokej byl o hokeji!* (ТВ 2002, спортивный комментатор) 'Сегодняшний хоккей – вот это был действительно хоккей!'; *Být Nohavicou v roce 2000 – to je hodně o svobodě!* (журнал «Тыден», 2001, певец Я. Ногавица) 'Быть Ногавицей в 2000 году – это во многом значит быть свободным!'

Характерны примеры из интервью двух известных актрис, которые с готовностью подхватывают конструкцию, предложенную интервьюером в вопросе *O čem je pro vás nejvíc hrání?* 'В чем для вас главное в актерской игре?' – 1. *O radosti. Musí mě to bavit.* 'В радости. Это должно меня увлекать.' 2. *O poznávání sebe samé, o boji se strachem, o nebrání se vážně, o hraní si s sebou i s druhými...* 'В том, чтобы познавать себя, бороться со страхом и не воспринимать себя слишком всерьез, играть с собой и с другими...' (еженедельник «Телевизе», 2001 и 2002).

Вопрос о корнях данной конструкции у В. Юста не вызывает сомнений: он совершенно однозначно представляет ее производной от аналогичной английской (с about) и объявляет символом «языковой глобализации и американизации». Последующие заметки автора касательно причин усвоения указанного оборота чешским языком выглядят скорее суждениями публициста. Отклоняя гипотезу, будто он «отвечает массовому спросу на смысл, содержание, проникновение в суть вещей», В. Юст предполагает другое – что это «еще одна историческая победа знака (картинки, образа) над означаемым», «виртуального над реальным», либо «дело в споре на универсальную генерализацию, сводку, рецепт, слоган», «в том, что вместо сложного текста мира мы охотнее читаем послесловие к нему, рекламную врезку, анонс...» [Just 2003: 116–117]. Эта интерпретация кое в чем близка оценке Н. Свозиловой, которая, впрочем, звучит намного мягче выпадов В. Юста в адрес тех лиц, чья профессия связана со словом (каковы «писатели, публицисты, комментаторы, редакторы... а также актеры»).

Обозревая со стороны ширящуюся в чешском языке новацию, мы позволим себе лишь частично уточнить толкование ее названными учеными и лингвистически мыслящим полемистом.

При зондировании активности конструкций типа *být o čem* в материале Чешского национального корпуса, где отражен чешский язык главным образом 90-х гг., мы задали контекст *je o tom...* – и встретили среди прочих случаев его вхождения примечательную реплику журналиста из публикации в газете «Млада Фронта Днес» от 15.01.1999 г., который словно повторил за Н. Свозиловой (годом позже, чем она засвидетельствовала спад моды на такие клише): «Почему наши уважаемые чешские политики постоянно так глупо, точно попугаи, твердят заезженное “... *je o tom, že...*”? Оборот этот, если не ошибаюсь, значит совсем не то. Почему бы вам не сказать однажды “... *se týká (něčeho)*” [касается чего-либо]?» При этом, вопреки резкой реакции поборников чистоты языка на засилье этого некорректно используемого оборота, оказалось, что фактически его фреквенция в корпусе не слишком высока. На 45 безукоризненно правильных предложений с *je o tom* в предикате пришлось всего 13 «злоупотреблений» данной конструкцией.

В ряде контекстов речь и впрямь явно идет о клише политического либо экономического сленга. Ср.: *Demokracie je o tom, že...* ‘Демократия в том, что...’; *Současná politická situace je o tom, jak budou rozloženy konečně akcenty* ‘Суть современной политической ситуации в том, как в конце концов будут расставлены акценты’; *Ten problém je o tom, že mzdy... představují stále menší díl hrubého domácího produktu* ‘Проблема в том, что зарплата... составляет все меньшую долю ВВП’.

Впрочем, нередко даже в этих случаях субъект не вторично смещается в плоскость фабул, как это постулировала для клише Н. Свозилова, а с самого начала, в силу уже его имманентной или контекстной семантики, подразумевает фабулу, которой может быть любая история, сюжет, также документ, теория, научная дисциплина и т.д. Конструкция *je o tom* при именах с подобным значением в принципе достаточно органична; некорректное употребление здесь можно усматривать лишь в плавном сдвиге акцента с темы на содержание и, шире, сущность субъекта. Материал корпуса позволяет показать происходящую модификацию в динамике. Прокомментируем отдельные эксцерпции (перевод дается иногда нарочито разговорный).

В примере *A co to je, ta psychologie? – No, to je o tom třeba, co si lidé myslí, a tak...* ‘А что такое эта психология? – Ну, это типа о том, что люди думают, и все такое...’ конструкция *je o tom* предстает логически вполне адекватным средством для описания тематики научной дисциплины – психологии. Расширение все еще близкого значения выступает в следующем контексте: *Nejlepší vzdělávání je o tom, jak skutečně žít* ‘Лучшее образование – это как (научиться) по-настоящему жить’. Наравне с отраслями знания трактуются также требующие осмысления их сути области человеческих занятий: *Ekonomika je o tom, dodávat tomu, kdo platí* ‘Экономика в том, чтобы поставлять товар тому, кто платит’; *I železniční podnikání je o tom, zda je tržba v souladu s náklady...* ‘Железнодорожный бизнес – он тоже стоит на том, окупает ли выручка затраты...’; *Marketing je o tom, co lidé kupují, ne co vy prodáváte* ‘В маркетинге главное – что люди покупают, а не что вы продаете’; аналогично *Sport je o tom, být první nebo také druhý a třetí* ‘Идея / Дух спорта в том, чтобы быть первым либо вторым или третьим’.

Общий смысл документа или целого пакета документов, вводящих ряд мер, а не их конкретное содержание описывается анализируемой конструкцией в извлечениях *Opoziční smlouva není o společném vládnutí. Tohle je o tom, že...* ‘Соглашение с оппозицией не в том, чтобы совместно править. Оно в том, чтобы...’; *...reforma sociální péče je o tom, jak najít zaměstnání, získat ho a dál si ho udržet* ‘...реформа социального обеспечения в том, как найти работу, получить ее и сохранить’. По общим же параметрам с другими подобными историями соотнесен субъект высказывания *Konflikt v bývalé Jugoslávii je o tom samém a pár kilometrů od nás* ‘Конфликт в бывшей Югославии – это то же самое всего в двух шагах от нас’. Наконец, контекст *Vše je o tom, kolik peněz budou chtít zastupitelstva... uvolnit na provozní záležitosti* ‘Все дело в том, сколько денег захотят управы... выделить для своих организационных нужд’ выявляет максимально общее «экспликативное» значение конструкции *je o tom*.

Анализируемые конструкции генерируются абсолютно спонтанно и в наши дни. Удобными клише остаются они для разного уровня руководящих лиц и для работников СМИ. Целый ряд свежих тому подтверждений мы извлекли из туристического издания «Вшудыбыл» (2006, № 5). Ср. в интервью директора чешского Госфонда инфраструктуры транспорта:

– **Údržba, ochrana a rozvoj** dopravní infrastruktury českého státu **je nejen o vizi, koncepci a samozřejmě o penězích, ale i o prioritách.** Takže jaké budou do příštích let?

– To záleží nejen na pohotových finančních zdrojích státu, ale **je to i o úvěrech...**

– Содержание, охрана и развитие инфраструктуры транспорта чешского государства – это не только ее видение, концепция и, конечно, деньги, но и приоритеты. Какими они будут в следующие годы?

– Это зависит не только от имеющихся источников государственного финансирования, тут потребуются и кредиты...

Обращает внимание переход интервьюируемого к маркированно бюрократической в данном тексте конструкции *je o čem* от синонимичной ей литературной с глаголом *záležet na čem* ‘зависеть от чего-либо’ на протяжении сложносочиненного предложения с союзом *njen... ale i...* ‘не только... но и...’ Альтернативой конструкции с беспредложным творительным падежом причины *tím, že...* предстает такое же клише в интервью главы компании T-Mobile в газете «Млада Фронта Днес» от 12.05.2005 г., где говорящий так объяснил нелюбовь чехов к смене операторов мобильной связи: *Rozhodně to není tím, že bychom o zákazníky nepřetahovali... Je to o mentalitě lidí a účinnosti věrnostních programů.* ‘Разумеется, это не из-за того, что мы не боремся за клиентов. Дело здесь в мышлении людей и в действенности программ поощрения постоянных абонентов.’

Трижды в номере того же журнала «Вшудыбыл» – в содержании, в заглавии и в самом тексте интервью директора чешской сети гостиниц – встречаем фразу: *business v naší branži je především o komunikaci* ‘бизнес в нашей отрасли подразумевает прежде всего общение’ (в интервью она находит еще и продолжение, призванное звучать более человечно: *o onom úsměvu, o němž v minulém vydání... hovořil...* ‘улыбку, о какой в прошлом выпуске... говорил...’).

Характерно начало вопроса, заданного журналистом главе американского союза турагентов: *Obchod, a v průmyslu cestovního ruchu obzvláště, je o komunikaci a kontaktech* ‘Бизнес, и особенно в области туризма, строится на общении и контактах’. Параллельно дается оригинальный текст *Business as a whole, and especially the tourism branch, is all about communication and personal contact*, недвусмысленно свидетельствующий об англо-чешской интерференции при переводе – впрочем, отнюдь не обязательно с английского на чешский: скорее чешский репортер уже в ходе беседы имел в уме двуязычную модель *to be about* ⇔ *být o čem*.

В других случаях, однако, конструкции *být o čem* не выглядят ни калькированными, ни клишированными, говорящие пользуются ими без какой-либо патетики, заведомо не стараясь высказаться более значительно или затемнить смысл сообщения. Ср. из того же журнала «Вшудыбыл»: *S mincemi coby dárkovými a upomínkovými předměty jsem se poprvé setkal před třemi lety v Paříži... Pak už to bylo hlavně o přemýšlení, jak pamětní mince aplikovat na českém území.* ‘С монетами в качестве сувениров я впервые столкнулся три года тому назад в Париже... Потом оставалось только подумать, каким образом найти применение памятным монетам на чешской территории.’ Присоединим к приведенной выдержке еще ряд записей живой чешской речи.

В 2006 г. репортер агентства ЧТК в Москве сетовал на трудности, переживаемые зарубежным корреспондентом в новой стране с отъездом прежнего, который опирался на множество ценных знакомств: *Už to není o tom osobním kontaktu...* ‘Уже нет того личного контакта...’. Аналогично на чемпионате Европы по кинологии 2006 г. чешский судья в подтверждение своей компетентности и объективности сказал: *To není o tom, abych tu na*

tom něco vymýšlel, já ty psy tam doma ‘Не то чтобы я тут что-то выдумывал, у меня такие собаки есть дома’. Он же при сравнении некоего признака у двух собак модифицировал первообразную конструкцию, используя вместо субъектного глагола *být* объектный *mít* ‘иметь’: *Ten má to vo něčem jiném* ‘У этой – иное дело’. Ср. также фразу с моравско-словацкой диалектной окраской: *To už není o hladu, ale o chuťách* ‘Тут уже речь не о голоде, а скорее об аппетите’ (из «полевых записей» в Южной Моравии, сентябрь 2006 г.).

На фоне подобных фактов все же еще неординарного, хотя укоренившегося употребления конструкций анализируемого типа по сути как нормативную по меньшей мере для разговорного языка можно рассматривать фразу, произнесенную известным чешским писателем на встрече со студентами МГУ: *Spousta lidí si řekne, že literární teorie je o tom, co má básník říkat...* ‘Масса людей думает, будто теория литературы – это о том, что поэт должен говорить...’

Чешские исследователи считают неправомерно широко бытующий оборот *být o čem* инновацией 1990-х гг. Мы, однако, обнаружили редкое более раннее свидетельство аналогичного использования исследуемой конструкции в книге О. Миллеровой «Коммуникативные аспекты построения диалогического текста» [Müllerová 1983: 126]:

A no ne pochopíte jedno ↓ že takovej doktor Hlušička ↑ ... atakdale ↑ kteří s vámi mají nejvíc spolupracovat ↑ se na vás budou dívat skrz prsty když ucítí že máte zaječí úmysly ↓

B to já bych jim to vysvětlil ↓
A dobře ↓ vysvětlovat jim to můžete ↓ ale druhá věc je že ten pocit který v nich toto vaše rozhodnutí vyvolá z nich asi nedostanete ↓ **to je vo tom** ... ↓

A Нет, вы поймите одно: что, скажем, доктор Глушичка... и другие, которым с вами больше всего работать, будут смотреть на вас косо, когда почувствуют, что вы хотите слышать...

B Ну, я бы им все объяснил.
A Это хорошо, можете объяснять, но то чувство, которое у них вызовет ваше решение, вы навряд ли переломите – вот в чем дело...

В приведенном случае явно трудно трактовать предикативную конструкцию *být o čem* как дань языковой моде – и тем более как англоамериканизм!

В первой части статьи вслед за М. Я. Гловинской мы среди прочих отмечали также подобные по составу русские конструкции типа *Одна из задач... – это о том, чтобы была техника для обработки земли*. Рассмотрим некоторые более новые примеры различной реализации этой же схемы.

Конструкция **о + L** порой вопреки стратегии говорящего вырастает из другой как будто вследствие мутационного сдвига: *Самое существенное вот что... о том, что в рамках Дня науки есть возможность публикации тезисов* (из выступления на заседании кафедры). Ср. аналогично *Сейчас проблема не о целительстве идет... Проблема сейчас не о том...* (ТВ), где так мутирует продукт контаминации (*речь идет о чем ↔ проблема в чем*) → *проблема о чем*.

В остальном вхождению в предикативную конструкцию с глаголом-связкой *быть*, пускай нулевой, имен и местоимений, имеющих форму **о + L**, несомненно, способствуют свободно образуемые ими атрибутивные сочетания с существительными типа *тема, факт* и др. (см. примеры в первой части статьи, для *факт* из [Гловинская 2000]). Поэтому не удивляют в речи такого рода обороты, как *Тема, вторая по частотности на первых полосах газет, – это о прекращении выдачи виз...* (ЭМ), в котором вероятен эллипсис (т.е. *это тема о...*), *Вся ситуация – она о том, насколько ценна человеческая жизнь* (ТВ) или *инициатива... которая вообще-то была не о том* (ЭМ, Ю. Латынина).

Модификация по сути такой же точно конструкции с использованием в предикате иного предложно-падежного сочетания выступает в контексте *На рынке присутствует огромное количество участников, которые вообще не про культуру* (ТВ). Интересно в этой связи, что реально равноправные в разговорном русском языке конструкциям **о + L** при обозначении предмета сообщения сочетания предлога **про** с винительным падежом

обыкновенно не употребляются столь расширительно, как описываемый тип. Это «лидерство» конструкций *o + L*, как нам кажется, вызвано все еще сохраняемой на современном этапе спецификой древнего значения предлога *o*.

В диахронии, базируясь на материале всех доступных данных славянских языков, эволюцию семантики предлога *o* (*ob*) проследил Ф. Копечный в [ESSJ 1: 132–137]. Для обеих его конструкций, с винительным и местным падежами, ученый указал в качестве «первообразного» пространственное значение ‘вокруг’, ‘около’. В конструкциях *o + L* его документируют примеры из давних памятников славянских языков, типа ст.-сл. **иоанъ имѣаше ... поѣсъ оусниѣнъ о чрѣслѣхъ своихъ** ‘Иоанн имел... пояс кожаный на чреслах своих’, т.е. ‘вокруг чресел’ (Ac Mt 3: 4) или др.-чеш. Knyez Oldrzych o Pofstoloprtyech lowyessѣ ‘Князь Олдржих около Постолопртов охотился’ (DalV). Результат трансформации этого пространственного значения представлен во временных конструкциях *o + L*, которые и теперь остаются системным явлением во многих славянских языках, в частности в чешском: *o svátčích* ‘в праздники, на праздниках’ и т.п. (в том числе в наши дни с новыми словами, ср. *o víkendu* ‘в выходные / в уикэнд’). На следующем этапе развития возникали различные более абстрактные значения в адвербиальных и в атрибутивных сочетаниях, неодинаково продуктивных по языкам. Часть таких старых вторичных типов сохраняет в полном виде чешский язык, другие – лучше русский. Ср. значения а) «измеряюще-квалифицирующее»: чеш. *dům o dvou poschodích* ‘дом в три этажа’; б) широко толкуемого образа действия: чеш. *chodit o berlích* ‘ходить на костылях’; тяготеющие к объектным в) цели: рус. *просить о помощи*; г) причины: рус. *скорбеть о смерти друга*. В современном чешском языке целевая направленность действия в случаях группы в), будучи осмыслена сугубо объектно, перестала выражаться конструкцией *o* с местным падежом, взамен которого, возможно, под немецким влиянием, в употреблении давно утвердился винительный: *prosit o pomoc* (≈ нем. *um Hilfe bitten*) и т.п.; ср. также рус. *ходатайствовать о чем* все еще с оттенком значения ‘ходить вокруг’, но чеш. *ucházet se o co* (однокоренной глагол в конструкции, как у нем. *bewerben sich um etw.*). Из средств сигнализации причины в случаях группы г) обычным для современного чешского языка является творительный падеж с предлогом *nad* (сравнимым опять-таки с нем. *über*) при конкуренции с винительным в сочетании с «собственным» причинным предлогом *pro*, ср. *truchlit nad smrtí přítele* (≈ нем. *über den Tod des Freundes trauern*) и *truchlit nad mrtvými / pro mrtvé* ‘горевать о мертвых’.

В. И. Даль, протестуя против «стеснения» предлога *o* (*об*, *обо*) в великорусском языке XIX в. [Даль II: 564–565], подразумевал конструкции в первую очередь временные, привычного еще для него типа *o семидесятих годах*, *o святках*, *o полуночи* (ср. также *Там о заре прихлынут волны...* – Пушкин), «измеряюще-квалифицирующие» типа *храм о трех главах*, *печи о глухих дверках* и, наконец, в широком смысле образа действия. Примеры последних, приводя их просто в подтверждение некогда намного большей свободы конструкций *o + L*, без упорядочения, лексикограф предварил замечанием: «местами и доньше слышно это, то по остаткам в народе старины... то по влиянию церковн. языка». При этом ясно идентифицировать записи В. И. Даля как народные или церковные иногда довольно сложно. Так, церковное выражение *Не о едином хлебе...* (Мф 4: 4) со значением средства приведено и в народном варианте *Не об одном хлебе живы будем*. С очевидностью в народном языке коренились следующие обороты, манифестирующие богатый набор разных частных обстоятельственных значений: *У нас о дышле не ездят, все об оглоблях* (инструмент); *Без правды не жить, да и о правде не жить* (критерий); *Об куме не жить, а без кума не быть* (средство / причина); *О сыне только на свете живу* (адресат / цель); старый тип *сделать что о своей голове* ‘самовольно’ (ср. др.-чеш. *o svét imě*). Другие примеры имеют бесспорно церковный источник: *Верен о вас служитель Христов* (адресат / цель); *О имени Господа собравшимся...* (основание); *О надежде орати* (признак, свойство); *О сем прославися* (причина). В ряде случаев речь идет просто о прямых цитатах из Писания: *Верен о мале...* ‘в малом’ (Мф 25: 21); *О себе ли ты сие глаголеши?* ‘от себя’ (Ин 18: 34). Интересно продолжение последнего приведенного В. И. Далем стиха в Евангелии, где та

же конструкция *o + L* при глаголе речи имеет уже значение объекта сообщения, ср.: Ѡ сѣбѣ ли ты сѣ глаголеши, или инии тебѣ рекѡша о мнѣ.

В объектном и объектно-определятельном употреблении, утвердившемся за конструкцией *o + L* во многих славянских языках в качестве основного, также просматривается исконное пространственное значение – особенно в диахронии, а в понимании отдельных славистов и в синхронии, см. [Барнетова, Конечна 1983: 226]. Речь, мысль, забота, чувство как будто вращается вокруг предмета, который выражен этой конструкцией, в то время как прочие при конкуренции с ней посредством иных предлогов способны придавать свое направление действию. Это различие позволяют отчетливо увидеть примеры из давних памятников славянских языков. Ср. ст.-сл. въ правѣдѣ добрѣ рече ісаиѣ о васѣ ‘Воистину хорошо сказал Исаия о вас’ (Зогр Мк 7: 6), но и рекѡтъ всѣмъ зълѣ глѣ на вы ‘и будут говорить всякие злые слова против вас’, т.е. ‘наговаривать на вас’ (Зогр Мф 5: 11). Интересная конкуренция сочетаний *o + L* со значением темы сообщения и в принципе синонимичного с использованием предлога *ot/od* при генитиве прослеживается в древнечешском языке XIV в., ср. название одной из глав в «Хронике Далимила»: Ot Babilonŕke wyezye a o fedmyczat jazycznych ‘о Вавилонской башне и о семидесяти языках’ (DalV // o Babilonŕke wyezyu ~F, 1440). Я. Гебауэр видел в таких конструкциях с предлогом *ot/od* германизмы и латинизмы (\approx нем. von с дативом, лат. de с аблативом; см. [Gebauer 1929: 473–474]); Ф. Копечный в [ESSJ 1: 154] в связи с наличием подобных конструкций также в церковнославянских источниках отстаивает предпочтительность второго истолкования. Допуская вероятную возможность воздействия на древнечешскую конструкцию немецкого и/или латинского образцов, обратим, однако, внимание на нюанс ее значения, выступающий особенно наглядно при соседстве с типом *o + L*. Так, приведенный заголовок преподносит содержание последующего рассказа в развитии: первый предмет, т.е. вавилонская башня, предстает отправной точкой, а второй – центром дальнейшего повествования о «смешении языков», которое подводит к событиям истории самой Чехии. На древнечешскую конструкцию с *ot/od* весьма похоже устаревшее употребление подобного же сочетания, также недвусмысленно обнаруживающего связь значений исходной точки и собственно сюжета сообщения (на сей раз уже единственного в повествовании), во второй части известной сказки П. Ершова «Конек-горбунок»:

Зачинается рассказ
От Ивановых проказ,
И от сивка, и от бурка,
И от вешего коурка.

В случае П. Ершова, естественно, какое-либо иноязычное влияние исключается.

Преобразование изначально пространственного восприятия ситуации, описываемой сочетанием *o + L* при лексемах со значением сообщения, мысли, чувства и других, в абстрактное косвенно-объектное в истории славянских языков заняло длительный период. В рассмотренных случаях разговорного «экстенсивного» по меркам литературной нормы использования конструкций *o + L* в русском языке рубежа XX–XXI вв., а также в чешском в первую очередь в обороте *být o čem*, это старое локалистическое представление, собственно, проявляется и поныне. Мало того, оно нередко бывает выражено эксплицитно: ср. рус. *Сейчас идут консультации и обсуждения вокруг этого вопроса* (ЭМ, Г. Явлинский) и аналогично чеш. *V Polsku se nedávno znovu rozběhla diskuse kolem válečného stavu* ‘В Польше недавно вновь разгорелась дискуссия вокруг военного положения’ (еженедельник «Респект» 1992, № 10; в ЧНК 44 вхождения сочетания *diskuse kolem...* на 1093 *diskuse o...*). В данном смысле о конструкциях исследуемого типа, встречаемых в современном живом языке, не следует судить с позиций отступления от действующей нормы, изображая их одиозной новацией. Напротив, они служат естественным продолжением древнеязыковых типов и, вопреки любым запрещениям, сохраняются в арсенале сообразных принципам

«семантического» построения высказывания аналитических конструкций, исторически полностью отвечающих вектору развития славянского синтаксиса. При этом дополнительно свой импульс здесь может дать, как и в прежние времена, фактор иноязычного воздействия, в наши дни – английской конструкции с *about*. (Между прочим, предлог *about* в английском языке также обозначает вращение вокруг какого-нибудь предмета, в частности и подобное движение слова, мысли и т.п. Например, название данной статьи, содержащей наши рассуждения вокруг употребления конструкций *o + L*, в переводе на английский выглядело бы вероятнее всего *About this and that*; общепринятые же названия научных статей, сконцентрированных на исследуемом объекте, начинаются, как правило, с предлога *on*, ср. заголовков статьи Р. Якобсона *On Linguistic Aspects of Translation*, по-русски именуемой «О лингвистических аспектах перевода»).

От старой пространственной семантики прочерчивается, однако, и линия к ряду случаев высокого либо даже изящного, украшающего слог употребления конструкций *o + L* носителями славянских литературных языков в XX и начале XXI вв. Весьма часто такой способ выражения отмечен печатью церковного языка. Приведем некоторые чешские примеры из ЧНК: *Apoštolové první dostali poznání tajemství o Kristu...* ‘Апостолам первым дано было познать тайну Христа’ – букв. ‘... о Христе’, т.е. ‘окружающую Христа’ (из вступления к изданию Нового Завета 1998 г.); *dnes rozsvítí se ti důležité světlo o podstatě mravnosti* ‘сегодня для тебя зажжется важнейший свет [постижения] существа нравственности’ – конструкция предполагает зрительный образ ‘свет вокруг существа...’ (Л. Клима, философ и прозаик первой трети XX в.); *k smrti... k vyprázdněnému vesmíru jako režimu vševědoucnosti o ničem a všemohoucnosti o ničem* ‘к смерти... к опустошенному космосу как к режиму всеведения ни о чем и всемогущества ни о чем’ – т.е. ‘лишенного стержня’ (Й. Шафаржик, философ второй половины XX в.); *Jsou to dvě stránky naší volby o našem vlastním životě* ‘Вот две стороны нашего выбора, касающегося нашей собственной жизни’ (С. Равик, автор популярных книг о Библии, чешской истории и других, публицист; фраза из сочинения «Тотальный кризис», 1992).

В литературном русском языке имеет место усвоение подобных конструкций, как и встарь, прямо или косвенно через церковнославянскую стихию, все еще присутствующую в языковом опыте носителей. При этом данный источник бывает иной раз мобилизован и в спонтанной речи. Ср. фразу из лекции *Явилась Дева Мария, которая предрекла Божью кару за забвение о духовности, о нравственности*, где конструкция существительного могла обуславливаться глагольной (*забыть о чем*), но столь же вероятным основанием кажется осознанное стремление говорящего выбрать торжественную церковнославянскую в основе модель – как выбрал ее, допустим, поэт Серебряного века, выступавший под псевдонимом *Муни*: «Молюсь без слов о скудной доле, / И внемлет благодный Христос. / Дает забвение о воле, / И нет бессонницы и слез» (1910). В том и другом случаях явлена словно вновь и вновь возрождающаяся еще старославянская конструкция, ср. контекст **въ забьвѣнии бьвъ • о дръзости мжжа того** (Супр 99, 20), в котором, впрочем, главная лексема передает греческое слово ἔκστασις и означает ‘изумление от чего-либо’ (здесь, точнее, как будто ‘вокруг чего-либо’).

Перевоплощенные церковнославянские конструкции *o + L* в рамках русского дискурса иногда сосуществуют с фигурами общественно-политической риторики наших дней – которые нередко являются наследием советской поры! Это характерно как для светских, так и для некоторых церковных текстов. Ср. примеры из сочинений первой и второй групп с главным словом *покаяние*:

а) *Какого покаяния о содеянном, какой безоговорочной реабилитации... можно было ожидать от тех, кто искал гарантию от произвола исключительно для себя при сохранении диктатуры для всех прочих?* (ОК № 9, 27.02–05.03.2006: 72);

б) *Пост – это время, когда мы должны будем оглянуться на пройденный нами жизненный путь, проверить себя в свете заповедей Господних, принести покаяние о*

вольных и невольных согрешениях (из слова Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к верующим в престольный праздник Свято-Данилова монастыря 13 марта 2005 г.).

Оба примера вкупе дают хотя лишь частный, но яркий срез крайне многослойного «славянорусского» языкового сознания людей нашей эпохи. Дабы довершить этот образ, приведем формулу прощания, видимо, привычную для использующего ее священнослужителя, каковая, по нашему мнению, вполне уместна в конце настоящей статьи:

С любовью о Христе и самыми наилучшими пожеланиями –

Литература

Барнетова, Конечна 1983 – *Барнетова В., Конечна Д.* О значении чешских и русских первичных предлогов // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками. М., 1983.

Брызгунова 2003 – *Брызгунова Е. А.* Связь внутренних законов языка с нормой устной и письменной речи // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. М., 2003.

Галь 2001 – *Галь Н.* Слово живое и мертвое. М., 2001.

Гловинская 2000 – *Гловинская М. Я.* Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых лексических ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 2000.

Григорьев 1961 – *Григорьев В. П.* О нормализаторской деятельности и языковом «пяточке» // Вопросы культуры речи. Вып. 3. М., 1961.

Даль – *Владимир Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка. Тт. I, II: М., 1981. Тт. III, IV: М., 1982.

Лаптева 1990 – *Лаптева О. А.* Живая русская речь с телеэкрана (разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте). Сегед, 1990.

ЛЭС 2002 – Лингвистический энциклопедический словарь. 2-е издание, дополненное. М., 2002.

Нещименко 1999 – *Нещименко Г. П.* Этнический язык: Опыт функциональной дифференциации. На материале сопоставительного изучения славянских языков. München, 1999.

Очерки 1964 – Очерки по исторической грамматике русского языка XIX века (под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой). Изменения в системе словосочетаний. М., 1964.

РЯиСО III – Русский язык и советское общество (под ред. М. В. Панова). Т. III. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968.

Скорвид 1999 – *Скорвид С. С.* Новые явления в чешском языке с учетом их русских соответствий // Сопоставительное изучение славянских языков. Информационные материалы и тезисы докладов. М., 1999.

Топоров 2006 – *Топоров В. Н.* Балтийские языки // Языки мира. Балтийские языки. М., 2006.

Daneš a kol. 1997 – *Daneš F. a kolektiv.* Český jazyk na přelomu tisíciletí. Praha, 1997.

ESSJ 1 – Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Sv. 1. Předložky. Koncové partikule. Sest. F. Kopečný. Praha, 1973.

Gebauer 1929 – *Gebauer J.* Historická mluvnická jazyka českého. IV. Skladba. (Vyd. F. Trávníček). Praha, 1929.

Just 2003 – *Just V.* Slovník floskulí. Malá encyklopedie postlistopadového newspeaku: klišé, slogany, hantýrky, tiky, partiové metafory, slovní smogy. Praha, 2003.

Müllerová 1983 – *Müllerová O.* Komunikativní složky výstavby dialogického textu. Acta Universitatis Carolinae. Philologica monographia LXXVI – 1979. Praha, 1983.

Svozilová 2003 – *Svozilová N.* Jak dnes píšeme / mluvíme a jak hřešíme proti dobré češtině. Jazykové sloupky z Literárních novin 1992–99. Praha, 2003.

Štícha, Holubová 2004 – *Štícha F., Holubová V.* Okazionální slovesné vazby v Českém národním korpusu // Jazyky a jazykověda. Sborník k 65. narozeninám prof. PhDr Františka Čermáka, DrSc. Praha, 2004.

Источники

Литературные

- Ак. – *Акунин Б.* Пелагия и белый бульдог. М., 2005.
 Бест. – *Бестужев (Марлинский) А. А.* Ночь на корабле: Повести и рассказы. М., 1988.
 Герц. – *Герцен А. И.* Былое и думы. М., 1972.
 Дикк. – *Диккенс Ч.* Собрание сочинений в 13 томах. М., 1957–1963.
 Дост. – *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений в 10 томах. М., 1956–1958.
 Лаз. – *Лазутин И.* Сержант милиции. М., 1957.
 Леон. – *Леонов Л. М.* Собрание сочинений в 10 томах. М., 1981–1984.
 Леон. Б₂ – *Леонов Л. М.* Барсуки. 2-е изд. М.-Л., 1926.
 Леск. – *Лесков Н. С.* Собрание сочинений в 11 томах. М., 1956–1958.
 Мих. – *Михайлов В. С.* Бумеранг не возвращается. М., 1956.
 Овал. – *Овалов Л.* Голубой Ангел. М., 2004.
 Пуш. – *Пушкин А. С.* Собрание сочинений в 10 томах. М., 1959–1962.
 См.-Рос. – *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989.
 Толст. – *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений в 14 томах. М., 1952–1953.
 Тург. – *Тургенев И. С.* Избранные сочинения. Л., 1935.
 Усп. – *Успенский Г. И.* Полное собрание сочинений. М., 1940–1949.
 Шаг. – *Шагинян М. С.* Месс-менд. М., 1988.
 Эренб. – *Эренбург И. Г.* Собрание сочинений в 8 томах. М., 1990–2000.

Периодика

- МН – «Московские новости».
 НоГ – «Новая газета».
 ОК – «Огонек».